

ЧЕРЕМ

СЛЕЗ

Светлана Черемухина

Слезы-вода

«ИП Стрельбицкий»

Черемухина С.

Слезы-вода / С. Черемухина — «ИП Стрельбицкий»,

Ну и пусть она одинока и никому не нужна. Ей тоже никто не нужен, у нее есть Кешка, и он ее никогда не предаст... Н-да, одиннадцатилетний мальчишка, бесспорно, далек от того, чтобы причинить ей зло... А вообще не важно, чего она хочет и о чем мечтает. Она не доверяет эти мысли даже дневнику. Но вот бывают же люди, которые умеют читать по глазам, будто в раскрытой книге. Или она и есть эта самая раскрытая книга? На лбу у нее, что ли, написано SOS? А вот и нет, ничего у этого странного байкера не выйдет, она не поддастся на его провокации. Одеваться в кожаную одежду и обвешиваться цепями в тридцать семь, летать ночи напролет на байке и торговать дурацкими неформатными фетишами в странном магазинчике под названием "Два слона" - это разве не перебор?

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	32
ГЛАВА 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Светлана Черемухина

Слезы-вода

ГЛАВА 1

Про мадам, «Два слона», и скрещенные взгляды

– Герман, на сегодня вы свободны, – проговорила она бархатным голосом, от которого сердце несчастного водителя забилося, как было всегда, когда мадам отдавала распоряжения, негромко, спокойно и нежно, как делала все. – Завтра жду вас в девять. Доброй ночи.

– Доброй ночи, мадам, – Герман на секунду стянул форменную фуражку с курчавой головы, что делать было необязательно, но как еще он мог засвидетельствовать ей свое почтение.

Впрочем, она уже не смотрела на него, как обычно. Всегда погружена в свои мысли, словно прислушивается к чему-то, что далеко отсюда и неведомо никому из тех, кто имеет счастье быть рядом с ней.

Выйдя из Роллс-ройса, она направилась к дому по мощеной брусчаткой дорожке, мимо клумб и цветников, умелой рукой трех садовников возведенных в ранг жемчужин этого фешенебельного района. Особняки здесь ценились выше остальных, и желающих обосноваться в этом районе города было достаточно, но везло лишь избранным. И все они сходились во мнении, что у нее самый очаровательный сад, Впрочем, как и сама мадам.

Неспешно и величаво она приближалась к своему дому, где у тяжелых старинных дверей, дорогих и изысканных, как и все, что окружало и наполняло ее жизнь, дожидалась горничная, готовая исполнить любое ее желание.

– Добрый вечер, мадам, – девушка присела в легком книксене и отступила в сторону, пропуская хозяйку в холл.

Закрыв двери, взяла из рук своей госпожи клатч, шаль, и подала домашние туфли. Со второго этажа уже спускалась Ди, помощница.

– Вам звонили, два раза, мистер Джонатан и миссис Флэтчер, – заговорила она, преодолевая последние ступени. – Оба с одной просьбой – дать согласие на проведение ежегодного бала в вашем доме. Мистер Джонатан просил сказать, что заедет к вам завтра, я попросила сделать это между двенадцатью и четырнадцатью часами, ведь вы будете в это время дома?

– Спасибо, Ди, все верно, – казалось, она не слушала разговорчивую девушку, витая где-то в своих мыслях, и лишь рассеянно ей улыбнулась.

Перед огромным старинным зеркалом в бронзовом багете поправила гладкие волосы, убранные в безупречную прическу, и, пройдя в зал, присела на белоснежный диван.

– Вам два письма, одно из городского совета, другое личное, – с прямой спиной, идеально одетая Ди наблюдала, как подбежавшая горничная предупредительно подложила хозяйке подушку под поясницу, придвинула низкий пуфик под ноги, протянула бежевый плед.

– Личное? От кого же? – тон был прежним, но Ди знала, что хозяйка взволнована. Так происходило всегда, когда приходили желтые конверты без обратного адреса, под-

писанные одной только литерой С со сложным вензелем, запечатанные простой дешевой печатью.

– Пожалуйста, мадам, – помощница почтительно склонила голову, протягивая письма. – Мари, принесите чаю, – поторопила она замершую на месте горничную. Та замотала головой и поспешила к дверям.

Мари очень шло ее форменное голубое платье, которое удачно подчеркивало все достоинства точеной фигуры, что было как нельзя кстати, когда она заходила в мясную лавку, если там бывал Итон, слуга их соседей, пожилой пары мистера и миссис Уайтов. Да и многие отмечали, что она отлично сложена, а к слову сказать, ее белоснежный фартук всегда был белее, чем у ее товаров.

Девушка выпорхнула из залы, оставив молодую женщину в волнении. Чарующая обстановка давно не вдохновляла хозяйку особняка, царство тонкого вкуса и красоты не было таким желанным с тех пор, как жизнь стала зависеть от таких вот желтых конвертов. В них теперь заключался смысл ее существования, с ними были связаны все ее чаяния и мечты. Ничто не волновало ее так, как желание прочесть несколько строк от Сержа, всегда выражающего свои мысли предельно искренне и страстно.

Глаза пробегали по ровным строчкам, выведенным каллиграфическим почерком, и казалось, он незримо присутствует здесь, рядом с ней, но расстояние, которое их разделяло, измерялось отнюдь не в футах и милях, оно было больше и глубже, чем можно было себе представить. Их разделяла сама судьба, проведя тонкую, но непреодолимую грань между ними. Разные классы, так называлось это проклятье.

Встречи были редки, и только письма скрашивали ее комфортную и одинокую жизнь.

– Да, еще заходил мистер Уайт, – вспомнила Ди, отойдя к роялю, чтобы не мешать хозяйке читать. – Спрашивал, не желаете ли вы присоединиться к его друзьям, через неделю намечается охота в поместье Уайтов. Очень просил вас. Будет его племянник, молодой сэр Ченинг.

Она помнила его, в прошлом году он вошел в палату пэров. Амбициозный честолюбивый человек, наделенный привлекательностью, он оказался умен и уверенно шел к цели, на самую вершину своего Олимпа. Его внимание к ней было явным, и неудивительно, что Уайт желает пригласить ее. Его матримониальные планы были слишком очевидны и неприкрыты.

– Мистер Ченинг такой милый, – между тем продолжила Ди и щеки ее покраснелись. Она рассеянно наблюдала, как Мари поставила поднос с чаем на маленький круглый столик перед камином.

– Вы поедете на охоту? – оживилась горничная. – Я приготовлю вашу амазонку. Какую выбрать, пурпурную или синюю?

Обе девушки повернулись к хозяйке, вдруг с изумлением увидев, что по бледному лицу женщины катятся крупные слезы.

– О боже, пресвятая дева Мария, что произошло? – всполошилась помощница. – Что не так, мадам? Я могу вам чем-то помочь? Вам нехорошо? Может быть, вызвать доктора?

Она искренне переживала, не зная, как помочь своей обожаемой мадам.

– Я сделаю отвар ромашки и пустырника, это поможет вам успокоиться, – вступила Мари. – Моя матушка всегда так делала, когда брат нервничал и впадал в уныние. Я сейчас же отправлюсь на кухню, а Джона попрошу затопить камин, становится прохладно, нельзя допустить, чтобы вы заболели или просто замерзли, я...

– Нет, Мари, оставь! – вдруг вскричала хозяйка, резко поднявшись с дивана. В следующую минуту она прижала руку к виску. Плед тихо упал к ее ногам.

Онемевшие девушки смотрели на нее во все глаза, не в силах понять, что же происходит.

– Оставьте меня, прошу, и не надо звать Джона, не надо делать отвар. Я просто хочу остаться одна! Мне нужен покой, слышите? Если кто-то придет с визитом или будет звонить, не смейте звать меня, вам понятно?

Девушки сделали книксен и молча направились к дверям. Что такое прочла мадам, что не смогла сдержать слез? Что же такое было в этом злополучном загадочном желтом конверте?

– Просто оставьте меня в покое, – прошептала женщина, поднимая плед и кутаясь в него, словно сильно озябла. – Просто оставьте меня в покое...

* * *

– Просто оставьте меня в покое, – пробормотала Зоя, отворачиваясь к стене, чтобы в следующую секунду вскочить с постели.

Будильник звонил один только раз и не стоило его игнорировать, если она хотела получить премию в конце месяца. Опоздания недопустимы, а прекрасные сны про мадам можно посмотреть и вечером, калачиком свернувшись на скрипучем диване.

– Кешка, подъем, в школу! – обратилась она к комку, накрытому одеялом на раздвижном кресле, и побрела в ванную. – А то опоздаешь, а тебе нельзя.

– Это почему? – донесся сонный голос из-под одеяла.

– У тебя скоро день рождения, и если в твоём дневнике появится запись учителя, сделанная красной пастой, то подарок может и не материализоваться, понимаешь?

– Так не честно, – Кешка высунул всклокоченную голову из-под одеяла, но Зоя уже вышла из комнаты, было слышно, как она включила скрипучий кран. Следовало ждать несколько минут, прежде чем вода сольется и станет горячей. Поскольку она вставала рано, то делала одолжение всем соседям, сливая воду для всего стояка.

– Честно, милый, честно, – высунулась из ванной белокурая женщина. – Если, например, я опоздаю на работу, то мне заплатят меньше, чем надо, и подарок просто не на что будет купить.

– Ну так причем тут я?

– А если опоздаешь ты, мой юный друг, то я просто сэкономлю на твоём подарке, понятно?

– Так не честно!

– Разумеется, у тебя возраст такой: для тебя сейчас все не честно, что не по твоей воле случается и происходит.

Мальчик знал, что так и будет. Кряхтя стал выбираться из-под теплого одеяла, и все равно корчил недовольные рожицы, хотя зрителей в комнате не наблюдалось. Так уж, привычка, а с мамой не поспоришь.

Когда он добрался до ванной комнаты, Зоя уже суежилась на кухне, разогревая завтрак (вчерашний недоеденный ужин). Холодильник был пуст и пятьдесят рублей должны были помочь Кешке продержаться до вечера. Обеды в школе не ахти какие хорошие, но все же, голодным остаться не должен, если конечно опять не схитрит и не припрятает денежки в копилку. На что уж он там копил, Зойке знать не позволялось. Ну его дело, она не могла на это повлиять, все же одиннадцать лет парню шандарахнет через неделю, сам с усам и себе на уме.

Да, хорошо страдать в разлуке с возлюбленным, попивая чай в кресле у камина. Хорошо печалиться, когда ретивая горничная угодливо поправляет плед и подкладывает под спинку подушки. Сквозь огромные окна льется солнечный свет или их заливают дождем (нуж-

ное подчеркнуть), а ты в роскошной одежде заламываешь руки, мечтая избавиться от назойливого внимания блестящих джентльменов и лучших холостяков высшего общества.

Но в жизни все не так. Зойке не по карману содержать горничную, да и не поместилась бы она в ее спичечном коробке, именуемом квартирой. Кухня пять метров, комната тринадцать, и мизерная прихожая для дистрофиков, вот и все апартаменты. Лично Зоя может страдать только в таких декорациях, отнюдь не романтических, и отнюдь не от излишнего внимания лакированных мужчин с солидным счетом в банке.

Мебели в такой квартирке было немного, главным требованием Зои при разводе было сохранение за собой права на кухонный гарнитур, выстраданный ею, выбранный, просчитанный и продуманный, а потом ожидаемый два месяца сверх обещанных полтора, с юридическим забеганием в фирму для выяснения причин задержки и ужасных подозрений в обмане. Деньги-то она заплатила все, а фирмочка ютилась в каком-то захолустном торговом центре, откуда в любой момент могла съехать, а на руках у Зои была лишь помятая накладная с фиолетовым штампом с адресом, и даже без телефона, а о реквизитах вообще говорить не приходилось. Так что не отдала бы она никому тот гарнитур ни за какие коврижки и коржики.

Досталась ей с этим «богатством» детская стенка из серии «Уголок школьника», со столом, полками и шкафом, да диван. Да, еще комод. Он тоже оказался из разряда «выстраданных» вещей, и Зоя никак не могла лишиться его, обегав полгорода в поисках нужного тона, под цвет корпусной мебели, роскошной стенки темно-бордового цвета. Стенка отошла мужу, а вот комод Зоя придержала. «За него я бы убила», – поведала она своей подруге Розе историю с дележом имущества.

Интерьер довершал высокий шкаф с раздвижными дверцами, в который вместился практически весь Зоин гардероб, и не потому, что шкаф был большим, а из-за мизерного количества Зоиной одежды.

Как заметила однажды Розочка – оттуда никогда не раздается писк. Это она имела в виду последний писк моды. Да и чему там было пищать! Ни денег, ни времени на выбор вещей. Со сменой статуса с замужней дамы на разведенку вообще неизвестно, раздастся ли когда-нибудь этот знаменитый писк из скромного шкафа из ДВП, обклеенного бумагой с имитацией под ольху.

– Ма, что мне надеть на междуножье? – вывел Зою из задумчивости Кешкин крик из ванной.

Опять залез в ванную, а сменное белье достать из комода не подумал! Что говори ему, что ни говори, все без толку, и Зоя, выключив запищавший чайник, побежала в комнату.

Да и зачем ей модные наряды? Куда ей одевать авторские вещи и для кого в них расхаживать? В ее-то возрасте... Она хоть и слепая, но линзы носит и каждое утро любуется на себя в зеркало – никаких шансов. То, что виделось в отражении, было поздно преобразовать и было бы не под силу изменить ни одному модному дизайнеру с самым мировым именем. Нет, авторские вещи ее не спасут. Да у нее и средств на это нет. И все, точка, тема закрыта.

Зоя открывала ее и закрывала миллион раз, всегда заканчивая практически слезами. Да, оплакивать свою неудавшуюся жизнь – это она умела. Это все, что у нее было – ее слезы.

Кстати, о деньгах... Кешку угораздило родиться в конце месяца, аккуратно перед зарплатой, впрочем, когда бы он ни родился, все равно были бы финансовые проблемы. Как же без них? Зоя уже тридцать пять лет живет с печатью финансового проклятья на бледном челе. Нет, она, конечно, слышала, что есть такая работа, на которой можно зарабатывать и получать [i]деньги[/i], чтобы покупать хорошую одежду, есть всякие деликатесы и даже ездить за рубеж на отдых, но для нее эта информация была из разряда мифов и легенд.

У неё не было подруг, которые могли привезти ей из-за границы брендовую сумочку или трендовую кофточку, или отдать ставшие тесными модные брюки, иди надоевшие супер-пупер эксклюзивные сапоги. Роза ее такими презентами не баловала.

И Кешке не приходилось рассчитывать на крутые подарки. Это Зойкина мадам вращается в высших кругах, а Зоя – не в них... Она вращается как белка в колесе, бесплатная белка в дурацком колесе. Бессмысленное занятие, но нельзя же жить, не ходя на работу. Хоть какие-то копейки...

Страшно то, что сынуля намекнул на днях, что уже выбрал себе подарок и, как умный мальчик из бедной семьи, заверил Зою, что тот окажется ей по карману. Что ж, она это проверит в пятницу, так как именно на пятницу запланирован поход на смотрины в магазин «Два слона», чтобы определиться с тем, что ей придется купить и торжественно вручить Кешке в день рождения.

Интересно, что может продаваться в магазине с таким странным названием? Главное, не три, а два слона... Мир, как известно, держится на трех. Ну, не то, чтобы известно, понятно, что вовсе не на них, а в подвешенном состоянии... В общем, прямо как Зоя. Ее тоже подвесили, и вот она качается и дергает руками и ногами в преддверии праздника, который ей вообще не по карману.

Да, надо не забыть предупредить Кешку больше не приглашать к себе на днюху весь свой класс в полном составе. А то будет как в прошлом году... Вспоминать даже страшно.

* * *

Яркая неоновая вывеска, включенная даже днем, вещала о том, что в магазине «Два слона» можно приобрести ВСЁ. Кешка, шагая впереди, по-хозяйски распахнул дверь. Звякнул колокольчик и, еще не успев перешагнуть порог, Зоя услышала:

– О, кого я вижу! Кешак, здоров, дружище!

– Привет! Как дела! – Кешка стукнул кулаком по протянутому ему кулачищу, а Зоя замерла на месте с раскрытым ртом.

Её Кешечка, её мальчик болтал... с мужиком, с гориллой, нет, с медведем! И этот медведь бесцеремонно хлопал своей ручищей ее мальчика по хрупкому плечу, а Кешка и был доволен, розовел, надувая щеки от важности.

Торговый зал походил скорее на лавку старьевщика, где все прилавки и стеллажи забиты странными вещами, имеющими на взгляд Зои очень узкое значение и применение. Ну не будет же каждый второй, например, покупать банданы или косынки с черепами, костями и всякими рожами. А эти рюкзаки – их только на сборища вурдалаков носить, как и эти майки, толстовки и бейсболки. Кто вообще с такой тематикой эти вещи купит?

Ну, разве что парочка тех наркоманов в подобных же вещах, разглядывающая какие-то диски у стойки у окна.

А эти перстни – неужели они кому-то могут понравиться? Эти цепочки, фенечки – зачем этот псих собрал под одной крышей такую фигню?

А это что? Наборы для тату? Боже, а если Кешка их увидит и, не дай бог, пожелает приобрести, чтобы самостоятельно наколоть себе татуировку? Что может понадобиться её мальчику в этом странном месте? Он же совсем ребенок!

А хозяин магазина уже обращался к какому-то патлатому дядьке, проверяющему звучание гитары.

– Бери, братан, отвечаю, лучше не найдёшь.

– Точно Джокер отдал?

– Для тебя просил, как для себя, – заверил его «медведь».

Ну, не медведь, конечно, просто толстяк, Зоя заметила это с первого взгляда, поспешно отведя глаза, сразу наткнувшись на уродливые чучела и маски всяких тварей, которым в нормальном человеческом языке и названий-то не было дано.

– Лавр, если отвечаешь, я беру, – дядька полез в карман за бумажником. Узкие черные джинсы, странного покроя кожаная куртка, серьга в ухе и подозрительно знакомые перстни на пальцах. Ах, она только что видела подобные под стеклом. Ему скоро внуков нянчить, а он так вырядился.

– Я порожняка не гоняю, Крон, ты меня знаешь, – заверил его Лавр, проходя за прилавок и открывая кассу.

Боженьки мои, тут и касса есть! Может, он ещё и лицензию имеет и налоги платит? Так это магазин? А она-то подумала, что здесь филиал преисподней, где бесы с упырями отовариваются вне очереди.

Став обладателем раритетного музыкального инструмента, дядька вскоре покинул сие странное место, впрочем, по его глазам встревоженная Зоя прочла, что того нисколько не напрягал местный антураж. И Кешка, довольный, прильнул к витринам, и те наркоманы определились с выбором, только она чувствовала себя здесь как не в своей тарелке.

– Ма, иди сюда! – позвал Кеша, и Зоя мгновенно попала в поле зрения колоритного продавца.

– Вау, старик, да ты сегодня не один, – проговорил он, во все глаза разглядывая бедную женщину, мгновенно сжавшуюся в комок.

Ну все. Да, она ненавидит такие «гляделки»! Словно все софиты и лучи ламп направляют на неё и она стоит перед всем залом, скрывающимся во тьме, тогда как все её изъяны видны как на ладони, да что там, как под микроскопом. Она всё знает про свои бедра, и отсутствие талии, и морщинки у глаз, и не любит, когда на неё так пялятся, но волосатого медведя, казалось, ничего не смущало и не напрягало.

«Какое свинство», – пробормотала Зоя в раздражении, направляясь к сыну деревянной походкой сквозь бьющий в глаза свет софитов.

– Кеша, ты нас познакомишь? – не унимался продавец. С довольной улыбкой он опёрся своими ручищами в прилавок и не сводил с неё взгляда.

– Конечно, Лавр, это моя мама, Зоя, – важно проговорил мальчик, глядя на мужчину, чьи глаза с прищуром беспардонно разглядывали тихо звереющую женщину.

Мальчик готов был представить своего «товарища» Зое, но женщина вдруг перебила сына.

– На вывеске значится, что здесь два слона, а я вижу только одного.

И она смело посмотрела в лицо этому мужчине. Открытое, чистое, с маленькой бородкой, модно подстриженной, с большими серыми глазами и черными бровями, с чувственным ярким ртом, он спокойно смотрел на неё, и лишь слегка изогнул уголок губы и приподнял одну бровь, мол, смешно, хоть и грубо. А что он хотел? Разе можно так по-хамски разглядывать незнакомого человека, тем более женщину!

– Второй слон в отъезде, – сообщил он спокойно с легкой насмешливой улыбкой. – Но вообще-то мы медведи.

– Ч...что? Медведи? Мой сын водит дружбу со зверями?

– Ну, не мне вам говорить, что порой звери лучше некоторых людей, по сути – двуногих животных, – спокойно пожал плечами мужчина.

Зоя смогла рассмотреть, наконец, что он не толстый, просто высокий и широкий в плечах, и создает впечатление огромной скалы. Ну медведь, в общем.

– И всё же, я предпочла бы контролировать круг друзей моего сына.

– Знаете, дамочка, Маугли вот жил в кругу «неконтролируемых друзей», зверей, кстати, и ничего, человеком, знаете ли, вырос, – заявил неформал, сложив руки на груди.

– Ну, я, разумеется, рада за Маугли, но, надеюсь, вы не станете заниматься пересказом бессмертного произведения?

– И в мыслях не было такого намерения, – мужчина насмешливо поднял руки.

– Вот и хорошо.

Кеша внимательно слушал и ничего не понимал. Они что, ссорятся? Его мама и друг, самый крутой друг!

– Это Лавр, – проговорил он, перебив замысловатый разговор двух взрослых.

– Честь имею, – отреагировал на это мужчина, ещё раз насмешливо склонив голову.

– Я очень на это надеюсь, – не собиралась сдаваться Зоя.

По лицу мужчины пробежала едва заметная тень, будто заныл зуб.

– Дамочка, если вы боитесь медведей, то напрасно. Мы веселые, добрые, умные, и мы несём мир.

– Ага, что явно следует из ваших тем. Эти оскаленные рожи, эти уроды и эта мерзость тоже несёт мир? – и Зоя в раздражение обвела рукой зал. – Я бы ни за что не впустила это в свой дом. И в свою жизнь. И в жизнь моего сына.

«Упертая дамочка», – пробормотал себе под нос медведь Лавр, продолжая лучезарно улыбаться.

– В ваш дом ни одна из этих мерзостей и не рвётся, – заметил он вежливо. – Если только ваш сын не собирается дать на это своё разрешение.

– Никогда! – вскричала Зоя. Блин, надо успокоиться, она чего-то распалилась. Кажется, только она принимает всерьёз этот разговор.

– Это всего лишь игра, фарс, это стёб, – насмешливо пожал плечами продавец, нисколько не обидевшись за свой товар. – Не стоит принимать всё так близко к сердцу.

– Моё сердце – не ваша забота, – процедила Зоя, не в силах остановиться. Кеша лишь тревожно взирал на неё. Он гадал, выгорит или нет получить в подарок то, что он выбрал.

– Разумеется, вы правы, и никто здесь не претендует на ваше сердце, – Лавр замер, подумав, что, не стоит её больше доводить. – Ну, вот ваш сын, к примеру, очень рассчитывает на вашу сердечность, – он хмыкнул.

– Откуда вы знаете?

– Я знаю всех, кто ко мне приходит. А Кеша мой постоянный... посетитель... – мужчина заметил умоляющий взгляд пацана и закашлялся. – Ну, в том смысле, что время от времени заходит сюда, после уроков, разумеется, и не часто, – он увидел, как покраснела женщина и как закатил глаза Кеша. – Ну, а кто побывал у меня больше двух раз, того я называю своим постоянным посетителем. У меня традиция такая, и людям уютнее становится, они лучше себя чувствуют.

– Я полагала, что с возрастом люди становятся мудрее и ошибки юности оставляют далеко позади, но видимо, я попала как раз в такое место, где тусуются те, кто не сумел или не захотел расстаться с детством.

– Может, вы хотели сказать – с глупостью? – Лавр больше не улыбался. Ему было не понятно, почему эта дамочка приятной внешности так отчаянно хочет его оскорбить. Что он ей такого сделал? Он что ли её сына брал с собой на шабаш и научил пить кровь? – Давайте, называйте вещи своими именами, я вижу, вы такая правильная, и в городе не найдётся такого магазина, в котором вы бы встретились с такими вот собственными ошибками юности, не так ли?

– Именно. Вы, как... взрослый человек, должны понимать, что детям здесь не место, и я очень надеюсь, что вы дадите мне слово, что Кеша больше не переступит порог этого... заведения.

– Полагаю, что слово вам должен дать ваш сын. Или вы решили ответственность за его жизнь возложить на меня? Что ж, я готов, но, думаю, надо оговорить ряд условий.

Зоя не знала, оскорбляться ей или стыдиться, она то краснела, то бледнела, а Лавр спокойно наблюдал за ней, ожидая окончания реакции.

– Вы хотите сказать, что за Кешей нет достаточного присмотра и что я плохая мать? – прошептала она, чувствуя, как начинает не хватать воздуха и оттого раздуваются ноздри.

Ну всё, в состоянии тихого бешенства она вообще мало похожа на саму себя и выглядит просто отвратительно, но что поделать, если этот парень задел её за живое.

– Я слишком мало знаю вас, чтобы делать такие выводы, и тем более их озвучивать, – заявил продавец спокойно и Зоя поперхнулась воздухом. Вот уделал её, так уделал. – Но могу уверить вас, что Кешка – один из лучших парней в своем возрасте. Уж поверьте, я, как человек, не вышедший из подросткового возраста и не сумевший, или не пожелавший расстаться со всей этой дурью и глупостями, могу разбираться в подростках, – его глаза жгли её. Или это стыд сжигал её заживо?

Он совершенно справедливо дал понять, что не стоит делать выводы при минимуме достоверной информации. Зойка начала с ярлыков и оказалась в луже. Он же продолжал любезно улыбаться, и казалось, её состояние его забавляло.

– И кстати, к слову сказать, когда я, по странному стечению обстоятельств, посещал факультет радио-физики в нашем универе, да, чего только в жизни не случается, каких странных чудес, один препод, кстати, декан, научил меня относиться к людям с запасом великодушия, авансом, так сказать, пока не удастся узнать их получше. И только тогда следует поступать исходя из той инфы, которую получил. Так что, пока мне ничего о вас не известно, кроме слов Кешки о том, что вы суперская мама, я буду считать вас хорошей матерью, априори, авансом. И кстати, я совершенно не собирался затрагивать эту тему, ведь это не моё дело, не правда ли?

Надо ли говорить, что к концу этой тирады, произнесенной без апломба спокойным чётким голосом, Зоя стояла краснее рака. Она услышала, как за её спиной зацокали языками и зааплодировали какие-то люди. Резко обернувшись, увидела, что несколько странно одетых личностей внимательно слушали, как Лавр, наверняка их кумир, изящно и непринужденно размазывал её как масло на хлеб, мило при этом улыбаясь. И давно они тут стоят?

– Я зайду в другой раз, – проговорила она через силу и пулей вылетела на улицу.

– И вам удачных выходных, – крикнул вслед Лавр и засмеялся, подмигнув ошарашенному Кешке.

ГЛАВА 2

Про стыд, смелость и рогатый шлем

Хозяйка кивала, слушая щебетание помощницы, как всегда, немного рассеянно. Все свое внимание она уделила любимой пальме у окна с видом на сад. Огромное окно от пола до потолка, занавешенное белоснежным тюлем, пропускало много света, но пальма ховев почему-то чахла, с каждым днем теряя былую сочность и силу.

Любимая зала на первом этаже напоминала огромную стеклянную шкатулку в форме восьмиугольника с пятью стеклянными стенами. Мадам любила находиться здесь по утрам, когда лучи солнца яркими стрелами пронзали пространство огромной комнаты, выдержанной в светлых тонах, отражаясь в многочисленных вазонах, зеркалах и рамках фотографий, расставленных на консолях, круглых столиках и полке большого камина из белого мрамора.

С чашкой горячего чая в руках она устраивалась на огромном диване, забравшись с ногами, и подолгу смотрела в парк, встречая новый день в легкой задумчивости или прекрасном настроении.

Вздохнув, она прошла мимо любимого цветка, бросив шейный платок на диванную подушку.

– Я распорядилась зажечь камин в вашей комнате, так как, не смотря на потепление, в доме еще довольно сыро и прохладно, – продолжала Ди.

Хозяйка провела пальцем по клавишам белоснежного рояля, направляясь к лестнице. Широкая и блестящая, со сложным рисунком ковки и сверкающими перилами, та приглашала на второй этаж, отведенный под многочисленные комнаты, нарядные и уютные.

– Ужин будет через тридцать минут.

Снова кивок.

– Вам что-нибудь нужно еще? Может быть, воды? – помощница желала быть полезной, мечтая угодить любимой хозяйке, такой изысканной и величественной.

Мадам по праву слыла первой красавицей в городе и, имея безупречный вкус, единодушно считалась непревзойденной законодательницей моды. Она вызывала восхищение как у первых людей высшего общества, так и у прислуги, со всеми обходясь достойно и вежливо.

Пожалуй, в городе не было тех, кто не любил бы ее. Мадам восхищались буквально все, посвящая стихи и устраивая в ее честь самые громкие вечера, желая покорить своей роскошью и щедростью неприступную красавицу. Самые блестящие холостяки города и Столицы желали положить свое сердце к ее ногам, но прекрасная женщина продолжала оставаться одинокой, храня сердечную привязанность в тайне ото всех.

Предмет ее обожания не был вхож в высшее общество, в связи с чем она посчитала это общество недостойным чести знать его имя. Ее любовь была настолько сильна, что неминуемое охлаждение к ней в связи с возможным разоблачением несколько ее не заботило. Красота и утонченность ее избранника могла поспорить с утонченностью принцев крови, его гордая осанка, легкая поступь и мягкий голос волновали ее сердце, заставляя постоянно сбиваться с ритма и пускаться вскачь. Стоило ему поднять на нее свои прекрасные серые глаза в обрамлении угольно-черных ресниц, и она таяла, словно свеча, забывая обо всем. Вся ее жизнь сосредоточилась в этом человеке и их сердца бились в унисон.

– Я не откажусь от чая, – произнесла она, когда достигла последней ступеньки, готовая ступить на персидский ковер, устилавший просторный коридор, украшенный цветами и дорогими полотнами известных живописцев. – Спасибо, Ди.

– Сию же минуту исполню, – помощница сделала книксен и поспешила на кухню с распоряжением.

Итак, мистер Ченинг. Ей придется несколько дней терпеть общество этого джентльмена, улыбаться его шуткам, терпеливо принимая ухаживания. Он упрям и самоуверен и ни за что не поверит, что она не увлечена им. А она никому не признается, что ее сердце давно уже занято.

Разумеется, она вправе отказаться от этой поездки, но огорчать мистера Уайта ни к чему, он всегда так добр к ней, словно отец, чьего участия и заботы ей так не хватало. Она никогда ни в чем не нуждалась, имея все самое лучшее, но отсутствие любви и душевной теплоты не позволяло чувствовать себя счастливой. Она всегда тосковала в родовом поместье, закрытая в огромных комнатах словно в коробке из-под торта, которым все восхищаются, но вкус которого не могла попробовать, ведь он картонный, и все украшения на нем сделаны из цветной бумаги. Говорить об этом было бессмысленно даже с мамой – та не поверила бы ей.

Прошли годы, родителей давно не стало и потребность в их принятии осталась не восполненной. Так стоит ли обижать доброго старого мистера Уайта, который искренне восхищается ею и желает ей только счастья!

* * *

Какая же она курица! Утерли ей нос, и поделом. И кстати, как изящно он это сделал! Ладно, проехали. Она опозорена, но виновата в этом только сама. Посмотрели на неё не так, видите ли! Обидели тем, что через две секунды, допустимые правилами этикета, не отвели взгляда от её светлости! Что, пошёл дождь и она растаяла?

Зойка, не радоваться ли ты должна, что на тебя хоть кто-то смотрел так долго? Аж целых... полторы минуты!

Оказывается, она уже в той поре, когда смотреть на неё по доброй воле желающих практически не находится... Так, не отвлекаемся, сейчас речь не об этом, тем более что это и так очевидно. Он знает её сына, дружит с ним, почему бы ему было не поговорить с его матерью? Это же просто любезность, вежливость, если хотите, и ничего другого. А она глаза закатила и пошла вразнос. Вот не дура ли! И что из этого следует? Что маразм крепчает? Ну, это так, конечно, но что ещё? Что скоро её совсем не будут замечать? Так, не отвлекаться, собраться и сосредоточиться! Вывод может быть только один, и можно болтать глупости хоть целый час, но факт остается фактом – она должна извиниться.

Зоя налила чай, взяла печенье и присела за стол. Она не замечала никого, с кем делила помещение офисной столовой, её мысли сейчас были далеко от этого места. Впрочем, как и обычно. Из-за полетов во сне и наяву Зойка давно слыла в коллективе персоной странной и непонятной. Её давно бы засмеяли, если бы не покровительство шефа. Казалось, Кравцов, именно это и ценил в своей подчиненной – тягу к прекрасному, веру в сказки, способность к слезам (ну, они всегда наготове, только дай повод, коих безумное множество), что он называл мягкостью души в противовес черствости и безразличию. Знал бы он, сколько у неё этой «мягкости души», и при каких обстоятельствах она потеряла веру в сказки...

Привычно не замечая взглядов коллег, Зоя обжигалась горячим чаем, а ее сердце жгло чувство вины и стыда. Но разве ему требуются её извинения? Ему, разумеется, нет. Он вполне самодостаточный тип, не страдающий ни от каких иррациональных комплексов, и

его не так-то просто выбить из седла (уж она умудрилась выяснить этот факт). Но если она не сделает этого, то просто не сможет больше там появиться.

Стоп, а зачем ей там появляться? Ну как же, она хотела сделать подарок Кешке, и на этом всё, это разовая акция. Она вообще может дать деньги сыну, чтобы он сам купил себе самолично выбранный подарок (блин, она так и не узнала, что же Кешка выбрал). Зато, у этого медведя не будет повода назвать её постоянным посетителем, ведь она больше не покажет туда и носа. Так, про нос тут же забыли, не стоит отвлекаться на собственные комплексы, сейчас речь вообще не о ней.

В общем, Зоя, если ты считаешь себя порядочным человеком из приличного общества (ха-ха), ты просто обязана пойти в эти дурацкие «Два слона», чтобы сказать, что очень сожалеешь о своей дерзости и неводержанности. Так, неводержанность, пожалуй, лучше заметить каким-нибудь другим словом, а то двусмысленно как-то звучит, об этом нужно будет подумать отдельно.

Да, точно, она-то всю дорогу намекала, что это он, странный престарелый рокер, не имеет отношения к приличному обществу, но оказалось, что под вопросом именно её кандидатура. Словно она обвиняла его в свинстве и неряшливости, размахивая руками перед его носом, не ведая, что её собственное лицо всё в саже. Или в гуталине. Или в мазуте. Да не важно!

Ей самой необходимо извиниться, для собственного внутреннего комфорта, ясно? А так, ей вообще нет дела до этого парня. Да господи, какой он парень, мужик уже давно... Эй, она что, думает о нём?

Надо было в этот самый момент Зое сделать большой глоток чая! Конечно, она подавилась, закашлялась, и слёзы брызнули из глаз. Сидевшая рядом девушка из юридического отдела принялась хлопать её по спине.

– Всё нормально, – выдавила, прокашлявшись, красная Зойка, и бросилась вон из комнаты.

Вот же дела... Она что же, думает об этом пар... муж... странном типе? Да она даже не узнала бы его на улице при случайной встрече! Это все глупости, неправда и ерунда.

Ладно, она знает, что не права, он знает, что она не права. Она просто сделает так, что он узнает, что она это знает. Ну, в общем, она просто зайдёт и скажет: «Прости, я была груба, вела себя недопустимо и очень сожалею об этом». Отлично, но почему на «ты»? Кстати, они ведь так и не познакомились толком. Вроде бы их представили, но всё равно они чужие. Ладно, не важно. Она увидит его, извинится, купит подарок, наверняка он знает, что Кешка себе приглядел, и тут же уйдёт, чтобы уже навсегда забыть и этот инцидент, и этого пар... муж... его самого. И нафиг тогда эти «Два слона»! Решено.

* * *

– Рогатый шлем? Вы ничего не путаете? Он точно выбрал именно его? – Зоя хлопала ресницами, чувствуя, как снова поднимается возмущение с глубин расстроенной души. Возможно, это иррациональное чувство, но оно снова настигло её именно в этом проклятом месте, словно «Два слона» – сосредоточие негативных стихий и дурной силы, влияющих на её слабое в эмоциональном плане существо.

– Каска «Герр майор» с рогами, – пожал плечами Лавр, недоумевающая, отчего это снова так колбасит бедную дамочку. – Последний писк моды в мотокультуре.

– Ну и пусть он пишит себе в удовольствие, – отмерла Зоя, – но причем мой сын к этой самой мотокультуре? У него и мотоцикла-то нет, зачем же ему мотоциклетный шлем, да ещё и такой... уродский?

– Уродский? – мужчина перевел взгляд с обалдевшей посетительницы на каску и снова недоуменно пожал плечами. – А по-моему, зачётно. Сейчас в таких все гоняют, – и он щёлкнул пальцем по черному рогу, приделанному к шлему.

– Но мой сын не гоняет! У него не то, что мотоцикла, у него даже велосипеда нет, и ему всего одиннадцать лет. Исполняется, – Зоя чувствовала, как внутри её естества, наверняка под влиянием нехорошей ауры этого места, зарождается злость, которую она не в силах будет обуздать и удержать. Её возмущал этот тип. Стоило перед ним извиняться, если снова, похоже, назревает ссора.

Да, он, конечно, повёл себя как истинный джентльмен, приняв её невнятные и немного сумбурные слова извинений без гуканья и всяких наглых насмешек и ужимок, но она и не сомневалась в этом. Будь он совсем уж безбашенным обормотом, она ни за что бы этого не сделала. Но не издевается ли он над ней сейчас, заявляя, что якобы её Кешечка выбрал себе в подарок эту фашистскую каску? Может, он ее разыгрывает?

– Ну хорошо, может быть, у вас есть какие-нибудь кепки, не знаю, бейсболки что ли, с какими-нибудь рожами, но только не эта немецкая шапка-горшок?

– Немецкая? – улыбка вмиг исчезла с довольного лица продавца. – Вы бы ещё сказали фашистская! – да он просто читает ее мысли. – Знаете, что я вам скажу, дамочка... – он упёрся руками в прилавок, наклонившись к возмущенной женщине, и его длинные волосы соскользнули с плеч, прикрывая большую часть лица.

Да хватит уже называть её «дамочкой! Это выводит из себя, подливая масла в огонь её закипающего раздражения. Втяхивает ей тут какую-то фигню, выдавая за желание сына.

– Зоя. Меня зовут Зоя, – произнесла она, сжав зубы.

– Прекрасно, зая.

– Зоя, – сдерживая ярость, упрямо поправила она зарывающегося пар... муж... продавца.

– Так вот, ЗАЯ, – проявляя не меньшее упрямство без видимых усилий, повторил Лавр, – я вот что вам скажу. Еще в пятницу вы верещали...

– Я не верещала!

– Еще как верещали. Наверняка на улице было слышно, недаром ваши крики привлекали клиентов спорт-бара, расположенного по соседству с моим магазином.

Так у него еще под боком и пивнушка находится? Прекрасно! Просто замечательно! Бедный Кеша! Бедные дети, которые сюда попадают.

– Так я продолжу, с вашего позволения, чтобы выразить свою мысль, – Лавр стоял, невозмутимо разглядывая корчащуюся в моральной ломке женщину. Красивая, чего она так злится-то? – Вы заявили, что на всём, что находится в пределах этого зала, – он даже повёл рукой, увешанной браслетами и шнурками, определяя пределы «дурной зоны», – лежит печать ненависти и зла, и что эти рожи олицетворяют собой всю мерзость, которая только может существовать на земле. А сейчас предлагаете продать вам что-нибудь из этого товара? Я теряюсь в догадках, как вас обслужить, чтобы не заработать комплекс неполноценности.

– А теперь послушайте меня... – заявила Зоя на грани терпения, подавшись вперёд и приблизившись к его лицу. Она так же уперлась ладонями в край прилавка со своей стороны.

А вблизи он очень даже ничего... в смысле, приятные черты, правильные такие, и борода такая миленькая... Миленькая? Да что за чушь! Стоп, это слишком близко и опасно. Зоя почувствовала странное смущение, но строго одёрнула себя и сосредоточилась на предмете спора, резко отпрянув обратно, на безопасное, так сказать, расстояние. Безопасное для чего? Для её душевного равновесия? Зоя, очнись.

Серые глаза открыто и честно смотрели в её расширенные от словесной перепалки зрачки, словно гипнотизировали, пытаясь внушить: «Мы медведи, и мы идём с миром».

– Продолжайте, я вас слушаю, – подбодрил мужчина.

И Зоя вдруг сдалась. Обмякла и расслабилась, внезапно почувствовав усталость. Ну чего она опять раскошегарилась? Из-за чего? Хочет Кешка этот шлем – ну и ладно, пусть будет. Так и быть, день рождения все-таки, все равно она не знала, что ему подарить. И плевать, что этот... медведь опять победил. Его можно понять: у него товар, в который вложены деньги, и чем больше этот товар покупают, тем лучше его финансовое положение. Да, кстати, о финансах.

– Так сколько, говорите, стоит этот ваш... шлем?

– Три пятьсот, зайка, – не моргнув глазом, сообщил деляга, для демонстрации красоты и своеобразного изящества напялив шлем себе на голову. Надо признать, ему шло, и рожки такие миленькие, но на то он и панк, или этот, рокер, или как там называется эта болезнь, с которой он с детства не расстался. И тут до нее дошло, какая цена была только что озвучена.

Сколько? И это Кешка назвал «недорогим» подарком? А еще стол накрывать, украшения покупать и призы для конкурсов. Ну прекрасно, просто замечательно!

– Хорошо, – пробормотала Зоя, потянувшись к сумочке.

Она отсчитала озвученную сумму и с деланным спокойствием положила на поднос, стилизованный под ладонь скелета, взяла дурацкий шлем за один рог и, сунув подмышку, понуро направилась к выходу.

– А завернуть не желаете? – донесся до нее бодрый голос продавца. – Всё-таки подарок, нужна красивая праздничная упаковка. Создать атмосферу, так сказать.

Ой, точно. Зоя вернулась к прилавку и молча протянула злосчастный шлем. Лавр достал коробку, опустил в неё «яблоко их раздора» и разложил перед примолкшей женщиной несколько листов цветной фольги.

– В какой завернём? – обратился он к ней, приглашая к сотрудничеству.

– Давайте на ваше усмотрение, – махнула рукой Зоя.

– Окей, тогда синий, пацан всё-таки.

– Хорошо, что не голубой, – уныло хмыкнула Зоя.

– Еще чего, я бы ему ноги повыдергивал, не сомневайтесь, – заявил Лавр. – Я за Кешкой приглядываю, не беспокойтесь.

О, ну конечно, теперь всё её беспокойство как рукой сняло.

– Да, чуть не забыл, – мужчина заглянул под прилавок и что-то достал. – Покупаете мото-шлем «Герр майор» – получаете в подарок мото-очки! – и он поднял двумя пальцами странное устройство для глаз. – Кстати, каждую последнюю неделю месяца в магазине «Два слона» скидки и бонусы.

– Что это? – почти с отвращением спросила Зоя, проигнорировав хитрый маркетинговый ход насчет скидок и распродаж.

– Очки-консервы, – гордо заявил Лавр, также укладывая их в подарочную коробку.

– Консервы так консервы, – обреченно махнула рукой Зоя.

– За счет заведения, – толкнул к ней по прилавку оформленный подарок мужчина.

Женщина равнодушно мотнула головой в знак благодарности, и продавец внимательно на неё посмотрел.

– Не расстраивайтесь так, зая. Вы должны быть довольны, что сделали сыну подарок его мечты, – произнес он неожиданно тёплым, почти сокровенным тоном. – Откуда мы знаем, хороши или плохи их мечты.

– Меня зовут Зоя, – скорее из упрямства, чем в раздражении, поправила Зойка, прекрасно понимая, что её реакция на подобное обращение лишь развлекает его.

– У вас хороший сын, он заслуживает уважения, и вашей покупкой вы его проявили. Кеша это оценит, вот увидите.

Зоя опять лишь молча кивнула. Да всё она понимает. Просто как ему сказать, что ей страшно, если Кешкин выбор жизненного пути окажется совершенно иным, какой представ-

ляется самой Зое? Что она тогда будет делать, как реагировать на его поведение и поступки? А всё, что находится в этом магазине, вселяет в неё почти суеверный ужас, что какая-то злонамеренная сила практически целенаправленно сбивает её мальчика с толку, внушая ему ложные идеалы и портя вкус, над которым Зоя, кстати, работала практически с четырёх лет. Почему только с четырёх? А вот потому.

– Что ж, зая, спасибо за покупку, буду рад видеть вас снова, – да уж конечно, в этом она даже не сомневается. – В следующий раз вы получите пожизненную скидку как постоянный покупатель, – улыбнулся Лавр на прощанье и, увидев стремительно темнеющие глаза женщины, быстро добавил: – Шутка! Кеше привет.

– Непременно передам, – и Зоя вылетела из магазина, услышав, как на прощанье звякнул колокольчик на двери.

ГЛАВА 3

Про розовые сопли, вампира и настоящее мальчишеское счастье

– Розалин, я, разумеется, уже в годах и да-а-вно разменяла четвертый десяток (а ума так и не нажила), но я прекрасно помню, что не говорила тебе, насколько он хорош, потому что даже не думала об этом! – Зоя с грохотом захлопнула дверцу духовки, предварительно проверив мягкость запекающегося с курицей картофеля.

Она с утра крутится на этой кухне, а подруга с глупыми вопросами пристает. Стоило жаловаться ей на странного продавца! Теперь вывернет всю историю на другую сторону, а Зое отдуваться и оправдываться.

– А в чём проблема? – симпатичная шатенка облокотилась на край стола, заставленного продуктами и посудой. – Подумай об этом сейчас. Вслух. Так насколько он хорош, а, Зочка? – она прищурила глаза, наклонившись к подруге, и Зоя фыркнула.

– Да ни на сколько! Просто волосатый парень, огромный как скала... – хм, это, пожалуй, лишнее, она сама далеко не Дюймовочка, – дремучий... – ну, вообще-то, у него вышка, радио-физика – это не хухры-мухры, – и мне немного жаль, что он попал на самое дно, где и находится сейчас, делая вид, что счастлив в том, что имеет, – произнесла она и вздохнула. Она грешила сейчас, грешила против истины. Это она себя пытается обмануть или Розу?

Зоя застыла, теребя край прихватки, пока не вспомнила, сколько еще всего нужно сделать. Очнувшись, схватила нож и с преувеличенным энтузиазмом набросилась на колбасу. Подруга называется: вызвалась помочь, а сама только отвлекает глупыми вопросами.

– А может, он, действительно счастлив? – Роза многозначительно хрустнула морковкой и направилась к окну. Ну потому что холодильник у окна. Она никогда не смущалась, если возникала потребность заглянуть в него.

– Ты порезала крабовые палочки? – Зоя уже погрузилась в насущные заботы.

– Ага. Может, жить так, как хочется – это и есть то самое, чего тебе так не хватает? – Роза изучала полки, заставленные продуктами, купленными в честь празднования рождения Кешки.

– Помнится, в институте философия не была твоим любимым предметом, – Зоя глянула на подругу с подозрением. – А огурцы порезала?

– Свежие?

– Свежие.

– Порезала. Понимаешь, мы все, да ладно, возьмем нас с тобой, участвуем в великом забеге, в который нас отправили пинком, даже не умудрившись сообщить, каков призовой фонд. Блин, нам даже не указали, в какой стороне финиш, понимаешь? И вот мы чешем, не в силах остановиться и перевести дух.

– А где фасоль? – Зоя заглянула в холодильник через ее плечо.

– Никуда не делась твоя фасоль, вон за банкой корнишонов стоит, видишь? – сама девушка тянулась за коробкой сока. – Ты меня вообще слушаешь, или вся в мыслях о своем огромном как скала медведе? – Роза обернулась к моментально покрасневшей подруге. – Как тебе идет красный цвет, – проговорила она, довольная, что заставила ее раскрыться. Вон какие пунцовые щеки. И даже уши!

– Роза, я знаю, что человек ты, прямо скажем... – Зоя пыталась найти подходящие слова, а Роза уже вовсю хохотала.

– Знаю, знаю, я не выбираю выражений, не стесняюсь делать замечания и говорить всё, что взбредёт мне в голову, – весело помогла она недовольной хозяйке.

– Мне не понятно только одно, – не дала сбить себя с толку Зоя, – почему ты привязалась именно к этому инциденту с продавцом демонических атрибутов?

– А к чему мне еще привязываться, подруга? Прямо скажем, больше не к чему. В твоей жизни так мало событий, что и говорить-то не о чем, – она пожала плечами. – Да и вообще нет никаких событий.

Зоя со вздохом склонилась над столом. На очереди был варёный картофель. Кешка обожал оливье, предпочитая его любым новомодным гастрономическим изыскам, и на каждый маломальский праздник, по поводу которого в их семье собирался праздничный стол, оливье был обязательным участником программы.

– Знаю, – вздохнула Зойка. – Если бы мы с тобой были героинями «Секса в большом городе» и собирались по несколько раз в неделю в кафе, мы бы просто молча пережёвывали свои салаты, и говорить нам было бы не о чем. И не о ком, – добавила, подумав.

– Неправда, вот не наговаривай на себя, – Роза взяла вторую доску и занялась корншонами. – С тобой очень интересно, когда речь не идёт о реальной жизни. У тебя фантазия развита так... в общем, не так, как у меня, и сарказма хоть отбавляй. Но вот с событиями – это честно, капец, как грустно.

Сама Роза, в силу харизматичности натуры, вела жизнь яркую и бурную, не гнушаясь походов в модные городские клубы и знакомств на одну ночь. Зоя же, придерживаясь классических взглядов, старалась эту тему в разговорах с институтской подругой обходить стороной, чтобы не скатываться в менторский тон и не ссориться, как бывало раньше, в пору юности, когда Зоя наивно полагала, что ещё способна наставить заблудшую подругу на путь истинный.

– Ну, если бы мы были героинями «Секса в большом городе», – Роза задумалась, – то и секса бы не было, – и она снова захохотала. – Кстати, ненавижу твоего бывшего.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Зоя.

– Нет, серьёзно, забей на развод. Ты должна быть счастлива, а не прятаться от жизни в стенах этой квартирёнки. Уютной, чистой, конечно, но тюрьмы.

– Не волнуйся, дорогая, вот залижу раны и заживу на полную катушку, обещаю, – с чувством заверила Зоя.

– Не ты залиживать-то должна, и совсем не раны, – многозначительно заметила Роза, но увидев гневный блеск в глазах подруги, примолкла. Да, эту тему с Лесниковой лучше не затрагивать. Никогда. Какой уж тут «Секс в большом городе»! Пуританка. Хотя, в молодости она была не такой уж и... ладно, Роза никогда не рискнёт затронуть эту тему. Что может быть ужасней – разбередить и без того незаживающую рану в душе подруги.

Какое-то время они молчали, каждая занималась своим делом. Из комнаты доносился шум и крики – к Кешке уже заявили первые гости. Иногда, и довольно часто, слышались громкие хлопки – это лопались воздушные шарики, которые мальчишки пытались надуть.

– Нет, ну скажи, ну он красивый? Ты можешь ответить честно и не предвзято? – решила вернуться к прежней теме Роза.

– Не предвзято? – Зоя сделала вид, что задумалась, застыв с ножом в руке. – Не могу, – отрицательно покачала головой и, смахнув тыльной стороной ладони прядь волос с лица, снова углубилась в работу.

– Значит, красивый, – сделала вывод подруга, – иначе ты бы не старалась уйти от разговора и тебе не составило бы труда описать его.

– А с чего это я должна его описывать? Ничего в нем особенного нет, он не заслуживает ни моего, ни твоего внимания, – возмутилась Зоя.

– Ну, помнится, однажды ты потратила полчаса, чтобы описать внешность парня, с которым просто ехала в автобусе.

– Тот парень был действительно красив, его внешность заслуживала внимания, пристального и восхищенного, как и кисти искусного художника! Ну или качественной камеры какого-нибудь айпада.

– Да, и главное – на самом деле тебе не было до него дела.

– А с чего это ты взяла? – возмутилась Зойка. – Может, я успела в него немного влюбиться, пока ехала от Юбилейной площади до улицы Корабулина!

– А вот и нет, нисколько, уж я-то знаю. Если бы он тебе понравился – ты молчала бы, как вот сейчас, – и хмыкнув, Роза потянулась за луковицей. – Внимание, время плача! Сейчас можешь откровенно пореветь: у меня в руках лук. Пяти минут хватит?

– Да ну тебя, вредина.

Зоя была недовольна разговором с подругой. Для того она и погружалась в мир мадам все дни напролёт, чтобы уйти от действительности. Продумывание конкретных деталей причёсок, прорисовывание изысканных туалетов в мельчайших подробностях, меблирование роскошного особняка и выращивание изысканных цветов в её саду – это всё лишь для того, чтобы не смотреть правде в глаза.

Она готова поскальзываться на розовых соплях и вязнуть в сладком сиропе несуществующей жизни, только чтобы не сознавать, что лишена своей собственной. Роза права в одном – Зойка действительно бежит как оголтелая, не зная куда, сломя голову и не разбирая дороги, и самое обидное, что не может остановиться. Да и надо ли? Чтобы увидеть, что находится нигде? Грустно, страшно, и лучше всего этого не замечать, делая вид, что проблемы не существует. И вообще – она знает, от чего бежит.

Когда Зойка впервые посмотрела «Сумерки», бум вокруг первой части давно утих, Патинсон уже стал звездой и благополучно слыл первым красавчиком, а мода на вампиров давно набрала обороты. Этот фильм стал для Зойки откровением. О такой любви она всегда и мечтала. О любви, которая сильнее смерти, которая побеждает страх и ломает природу человека, ну, или мертвеца. О любви, которая перерождает.

Зоя, конечно, понимала, что нечего даже мечтать оказаться на месте Беллы. Смешно в её-то возрасте влюбиться в смазливого мальчишку, да и не в такого уж смазливого, да и не настолько она влюбилась, но что поделать, если она отчаянно тосковала по такой вот сказке. Если ей до чертиков хотелось окунуться в мир головокружительных тайн и опасностей. Сама-то она была от серой беспросветной рутины, которая наполняла каждый её день. Но лучше эта серость, чем та боль, которую она пыталась забыть...

В транспорте, в обеденный перерыв или даже отложив на минутку документы в разгар рабочего дня, она размышляла, смогла бы, как эта девочка, отказаться от привычной жизни, где всё ясно и понятно, и ступить на зыбкую гладь воды, сделать шаг в пропасть, довериться чьим-то крыльям? Смогла бы она не дрогнув, дойти до конца, узнав страшную тайну, грозящую смертью?

Честно сказать, её мучил один только вопрос – могла бы она, Зоя Лесникова, вызвать из глубин сто лет как омертвевшей души самое живое и трепетное чувство? И ответ был один – если ты Зоя Лесникова, то сиди там, где сидишь, и не смейся народ.

Она страдала от того, что была тем балластом, который окружал Эдварда многие годы, и не могла бы ничем привлечь его внимание, даже добровольно предложив ему свою кровь.

«Я так и знала, что так будет: не я. Дурочка, как только я посмела мечтать, как позволила глупой надежде прорасти в моем сердце? Никчемная серая мышь. Как я могла подумать, что он хотя бы посмотрит в мою сторону? Но чем, чем она лучше меня? Выходит, лучше.

Если такая неординарная личность, как Эдвард, обратил на нее внимание, значит, она такая же особенная и глубокая, как он. А вот меня он не заметил, и это тоже говорит о многом. Конечно, кто будет в здравом уме и твердой памяти разглядывать пустоту, созерцать ничто? Ничтожество! И при этом я все еще надеюсь на чудо? В моем-то возрасте, после стольких лет ожиданий и разочарований, когда душа устала...

Может, чудо еще и произойдет в моей никчемной жизни, но какое же это будет чудо, если это будет не Эдвард? На нем замкнулся мир. Что ж, в таком случае меня можно поздравить: сегодня мой мир перестал существовать. Остается тихо ждать старости и умереть, наконец.

Как больно. Как стыдно. Стыдно жить, стыдно быть...»

... Его поразила случайно услышанная мысль. Он онемел от изумления. Сегодня все, буквально все мысленно ругали его спутницу, его официальную избранницу, поносили, критиковали и унижали. Улыбались в глаза и ненавидели в своих мыслях. И вдруг это: «Если он ее выбрал, значит, она особенная». Это неожиданно и... поразительно!

Он оглянулся, заметив ее недалеко от своей спутницы. Она молча стояла в стороне, слушая подруг, выражающих лицемерную радость, но спокойный вид давался ей с трудом. «Почему я никогда не замечал ее прежде? Почему она никогда не попадала в поле моего зрения? Определенно, в ней что-то есть... Или она права насчет пустоты?»

О, даже в мыслях Зойка не могла себе позволить стать победительницей. Тогда-то и появилась мадам, не имеющая никаких реальных корней и связи с действительностью, и только тогда Зоя почувствовала дерзость и смелость позволить ей, а значит, себе, жить насыщенной жизнью, даря ей свои мечты.

* * *

По восхищенным взглядам прибывших гостей Зоя убедилась, что украшение квартиры оценили по достоинству. Все её плакаты, поздравительные гирлянды и гроздья шаров, развешанные по стенам, окну и даже под потолком, нашли своих зрителей и были оценены по достоинству.

Праздник шел полным ходом. Большая часть конкурсов была уже позади, и вот мальчишки расселись за столом, рассматривая свои незамысловатые призы в виде шариков для пинг-понга, карманных фонариков, дешёвых бакуганов и шоколадных медалей, подсчитывали их количество и обменивались друг с другом.

Салаты были съедены, многие ребята даже вежливо поковыряли вилками в горячем, тарелки с колбасными и сырными нарезками быстро пустели, и вот пришло время резать большой торт с одиннадцатью свечками, который ребятня уже пожирала горящими глазами, будто их в жизни не кормили сладостями.

И тут всё пошло не так. За окном послышался шум, на который ни Зоя, ни Роза не обратили бы внимания, но в котором Кеша уловил рев мотоциклетных моторов. Тарахтенье сопровождалось возгласами, приглушёнными стеклопакетом.

Взрослым, вероятно, и не было до этого дела, но вот мальчишки, забыв про сладости, повыскакивали из-за стола и толкаясь, бросились к окну. Зоя лишь зажмурилась, представив, чем это может грозить недавно выстиранному тюлю.

Женщина застыла с ножом в руках и в недоумении перевела взгляд на Розу. Та лишь пожала плечами. Каково же было её изумление, когда Кеша с радостным визгом принялся открывать балконную дверь.

– Кеша, ты куда? Ребята, вы чего? А торт? Чай налит уже, что случилось? – пыталась образумить пацанов Зоя, но всё было без толку, тонкий ручеек гостей энергично перетекал из комнаты на балкон.

Зоя была уже в дверях, когда услышала крик сына:

– Лааавр! Привееет! Какая встреча!

– Привет, братуха! – послышался зычный голос мужчины. – С днём рождения!

Его слова потонули в шуме мужских голосов.

Обалдевшая Зоя выглянула на улицу, облокотившись на балконное ограждение, и увидела невообразимую картину: двор заполнили странные люди в необычной одежде на мотоциклах. Байкеры! В ее дворе решили устроить слёт неформалов? Они образовали настоящий затор, так что ни одна машина не могла бы въехать или выехать со двора. Хорошо, что никому не требуется сейчас карета скорой помощи, разве что самой Зойке, но она как-нибудь переживет.

– Добрый день, зайка, – Лавр приветливо помахал рукой ошарашенной женщине. – Поздравляю с рождением сына!

Все его товарищи снова шумно загалдели, поддавая газу и тархтя своими драндулетами, усиливая шум, который привлек к окнам практически всех жильцов близстоящих домов, Зоя чувствовала это спинным мозгом, как и радость сына, с обожанием прожигающего дыру в груди своего кумира.

Лавр восседал на элегантном хромированном мотоцикле, опираясь ногой в высоком ботинке на асфальт, в руке в чёрной перчатке без пальцев он держал шлем, без рогов, кстати, и ветер любовно трепал его длинные волосы. Надо сказать, выглядел он очень даже...

– Секси, – выдохнула Роза, приблизившись к подруге и выглянув на улицу.

Зоя промолчала, поджав губы.

– Могу я в качестве подарка прокатить вашего сына на байке? – между тем обратился к ней Лавр, словно не замечая шока, хотя разглядеть ставшие огромными глаза на высоте третьего этажа смог без особого труда.

– Но это же опасно! – возмутилась Зоя. – Вы не должны ставить под угрозу жизнь моего ребёнка.

– Я не предлагаю поставить его жизнь под угрозу, – спокойно возразил Лавр, даже не меняя позы. Всё в нем говорило об уверенности и спокойствии. – Я просто хочу прокатить его. Это не страшно и не более опасно, чем полёт на самолёте.

Проходящие по тротуару собачники не отрывали от колоритного мужчины взгляда, пока псы тянули их к клумбам, куда водить собак было категорически запрещено.

– Мы никогда не летали на самолёте, – возразила Зоя.

– Так пусть он хотя бы прокатится на байке!

– Это недопустимо, я читала статистику и хочу обратить ваше внимание...

Зойка вдруг подавилась собственными словами, потому что из подъезда выбежал Кеша собственной персоной, на сверхскорости направляясь к Лавру. Он на бегу напялил рогатый шлем, дурацкие очки с огромными круглыми стеклами болтались на шее.

Лавр стукнул костяшками пальцев по подставленному в знак приветствия кулаку, и только тогда Кеша соизволил поднять голову и просительно произнёс:

– Ну ма, ну можно? Ну пожалуйста!

Казалось, все байкеры притихли, ожидая решения взволнованной матери. Она лишь безнадежно махнула рукой, и двор снова наполнился радостными возгласами мужчин. Да, весело этим дядькам стебаться над бедной женщиной.

Но Лавр не спешил срываться с места, хотя Кешка, искрящийся от переполняющего его счастья, уже уселся позади кумира, обхватив его за пояс брюк.

– Зайка, не могли бы вы разрешить и остальным ребятам прокатиться с моими друзьями? – обратился он к онемевшей женщине.

Роза с открытым ртом наблюдала за всем происходящим и глаза её постепенно расширялись.

– Значит, волосатый и огромный, да? Медведь, так ты сказала? – прошептала она, не сводя глаз с Лавра и кокетливо помахивая ему ручкой. – Подруга, врать ты так и не научилась. Я сразу поняла, что в этом парне что-то есть, а сейчас так прямо уверилась в том, что интуиция меня не подвела.

– И ничего в нём нет, – прошипела Зоя подружке. – А почему вы спрашиваете меня о детях? – обратилась она к Лавру.

Ну и пусть их разговор слушают все, она была бессильна что-либо изменить. Попроси она этих рокегов уехать – не известно, какой окажется их реакция. Не исключено, что её просто освищут и все закончится разгромом детской площадки.

– Вы взрослый человек, отвечающий за этих детей, поэтому я обращаюсь к вам. Они же пришли на праздник – давайте его им подарим.

– Ну не знаю... – Зоя была в нерешительности. Она за своего-то ребёнка боится, а тут чужие. Это ей потом, не дай бог что случится, придётся отвечать перед десятком парами разгневанных родителей?

Она размышляла об этом, когда до неё донеслись рёв и крики детей, умоляющих разрешить им проехать на настоящих мотоциклах с реально крутыми байкерами.

– Тётя Зоя, ну тётя Зоя, – канючили они и тормошили бедную женщину. – Ну можно нам тоже? Кешка так уже там.

– А можно и мне с вами? – обратилась вдруг к незванным гостям Роза, и Зоя медленно повернулась к подружке.

– И ты, Брут? – пробормотала она.

– Конечно, присоединяйтесь! Для нас это большая честь! – заявил Лавр, сделав рукой странный жест, будто снимает с головы шляпу и подметает перьями асфальт в Розину честь. Его дружки призывно засвистели. – Зайка, не желаете ли и вы прокатиться? Будет весело.

– По глазам читать умеете? – процедила Зоя, едва сдерживаясь и не понимая, что её больше раздражает: что праздник так бесцеремонно прервали, что Кешке грозит смерть от езды на бешеной скорости или что Роза спокойно решила присоединиться к этой странной компании, бросив её одну? А она стоит тут на балконе, вся такая нелепая и смешная, и делает вид, что от её решения что-то зависит.

– И по глазам, и по губам. Вам же хочется, я вижу, – засмеялся Лавр, покрутив ручку газа. – Ну, дело ваше.

Он обернулся к притихшему Кешке, ошарашенному, казалось, до конца своей жизни, и натянул на голову шлем без стеклянного щитка.

Розу, вышедшую из подъезда походкой манекенщицы, мужчины встретили свистом и аплодисментами. После недолгого спора было решено, что поедет она с бородатым амбалом, на чьей куртке красовалась самая красочная эмблема какого-то иностранного мотоклуба.

Дети рассыпались горохом между мотоциклами, стильными, элегантными, блестящими, и крепкие мужские руки выдергивали их из толчеи, как с грядки, рассаживая к себе за спину.

Зоя выбежала во двор последней, едва не заламывая в волнении руки. Лавр снял шлем и смотрел на неё, не отводя глаз, поджидая, пока она приблизится.

– Зайка, не о чем волноваться, – произнес он почти нежно. – Я даю себе отчёт в том, что мы несём ответственность за этих спиногрызов, и обещаю, что скорость будет небольшая. Мы только сделаем кружок по двору, – при этих словах дети завывали в голос, выражая

недовольство таким коротким маршрутом. Рассмеявшись, взмахом головы Лавр расправил свои густые темные волосы. – Зая, публика просит. Можно, мы доедем до велотрека?

– До велотрека? Но это же через весь район! – всполошилась бедная мать ребёнка, который не осознавал, какую яму решил вырыть сам себе, усевшись на мотоцикл малознакомого мужчины.

– Поехали с нами, так вам удастся всё держать под контролем, – усмехнулся мужчина.

– Дайте ваш паспорт! – потребовала вдруг Зоя и даже протянула к нему руку, ошарашив этим требованием «медведя».

Зое показалось, что Лавру это не понравилось, у его же друзей неожиданная просьба вызвала смех. Мужчина пристально посмотрел на неё, но, тем не менее, лишь молча пожал плечами, полез во внутренний карман кожаной куртки и достал документ в черной обложке.

– Вот, держите, – протянул его женщине. – Видите, я вам доверяю, чего не скажешь о вас. Надеюсь, за то время, пока я буду королем и богом этой малышни, вы не оформите миллионный кредит на моё имя?

– А для чего еще, вы думаете, я его взяла? – в тон ему ответила Зоя.

Лавр, хмыкнув, натянул шлем, давая понять, что пора отходить в сторону, чтобы не мешать настоящим мужчинам заниматься их любимым делом – пускать пыль в глаза.

Она увидела, как Роза, выглянула из-за могучей спины парня, которого без стеснения уж как-то очень откровенно обхватила за талию, и показала ей большой палец. Глаза её при этом сияли. В следующую минуту довольная красotka опустила щиток на своем шлеме, и процессия под крики и улюлюканье, сделав почётный круг по двору, исчезла под аркой.

ГЛАВА 4

Про ревность, ключ от квартиры и паркур

«Он украл у меня праздник», – твердила Зойка, поднимаясь к себе на этаж.

Она чувствовала сильное разочарование, но не понимала его причины, хотя, если покопаться в себе подольше, немного успокоив нервы, возможно, и докопалась до истины – всё дело в зависти.

Она не могла отправиться с ними в эту несчастную поездку, не могла чувствовать себя уверенно в обществе байкеров, не могла испытывать радость от общения, от скорости, от ветра в лицо. Стоп, какой ветер, если перед ней маячила бы только спина. Чья? Ну уж точно не Лавра, он же посадил к себе Кешку, и тот ни за что бы не уступил свое место матери. Ей пришлось бы ехать с посторонним человеком, зажмурившись от страха, и следить только за тем, чтобы не завизжать. И зачем ей это надо? Она не знала, но чувствовала себя обворованной и опустошенной.

Она не могла быть свободной и счастливой, как эти дети. Да ладно, дети, как Роза. Вот уж кому повезло: и красивая, и стройная, и на язычок бойкая, вот и спорить из-за неё мужчины принялись, каждый хотел прокатить ее на своем байке. А выйди Зойка, и что было бы? В абсолютном молчании эти мужики отводили бы глаза, делая вид, что усиленно чем-то заняты, ужасно сосредоточенны на решении каких-то особо важных задач, и что мотоциклы-то у них почти сломаны и потому лишний вес их доконает. Короче, Зойке пришлось бы краснеть от стыда за себя.

Больше всего на свете она боялась быть отвергнутой, поэтому сама отвергала всех и всё, убегая без оглядки и отказываясь от всего, желая защитить себя от боли разочарования. Но, возвращаясь в свою квартиру, встречала и боль, и разочарование, которые были тут как тут, дожидаясь её с распростертыми объятиями.

Бежит она такая, продираясь сквозь заросли кустарников, цепляющихся за одежду, руками пытаясь отвести ветки, раздирающие кожу. Волосы спутаны, одежда во многих местах разорвана, словно это не деревья, а чудовища, ожившие лишь для того, чтобы мучить ее, издеваться и внушать ужас. Уханье филинов и сов заставляет сердце учащенно биться, а отдаленный волчий вой лишает остатков мужества. Но она должна бежать, стремиться вперед, к возможному выходу из этого проклятого леса, к свободе и свету, который не пропускают эти дебри, лишая ее последней надежды на спасение.

Кто-то гонится за ней незримым призраком, поэтому нельзя останавливаться. Не слышно ни дыхания, ни шума шагов. Ни одна ветка не хрустнет под таинственными ногами, в то время как ее местонахождение выдает с головой шум ломающегося сухостоя, через который она прорывается с упорством смертника, которому уже нечего терять. Но она знает, чувствует ледяное дыхание ужаса, который стремится ее настигнуть, и поэтому обязана нестись вперед, насколько это возможно в заколдованных дебрях.

Что-то блеснит в стороне, да это же два желтых глаза, хищный зверь внимательно следит за ней, ждет, когда она выдохнется, чтобы не тратить силы на ненужную борьбу. Он чувствует ее страх, слышит стук ее сердца и знает, что скоро она упадет.

Но все, что ей нужно делать – это двигаться. Двигаться вперед и не смотреть по сторонам, чтобы не дрогнуть, чтобы не лишиться остатков отваги.

Вот что-то показалось впереди. Забрёзжил чуть заметный свет, едва просматриваемый сквозь заросли, когда узловатые стволы вековых деревьев обступили ее, мешая найти тропинку, чтобы нестись вперед, к спасительному свету.

Кажется, что тьма вокруг нее сгущается, становится непереносимо тяжелой, воздуха не хватает и туман обволакивает кожу, затыкая поры и затрудняя дыхание. Ноги подкашиваются, и непреодолимо тянет к земле, лечь, забыться сном, отдавшись на волю рока, который непобедим, который не обмануть, не переспорить, но она должна, обязана выйти к источнику света. Быть может, там есть кто-то, кто поможет, кто вступится за нее и защитит перед лицом смертельной опасности.

Последние усилия, рывок на пределе возможностей, и она практически падает в пустоту, прорвавшись сквозь плотные ряды деревьев, переплетших свои ветви, словно сеть для ловли беглецов.

Мягкая трава приняла ее, смягчив удар от падения. Тяжелое дыхание, сухость в горле и слепота от яркого света.

Подняв голову, напрягла зрение, найдя источник света – высокий костер, вокруг которого сидят... ее преследователи, все как один, похожие на того, кто загнал ее в эту ловушку, на поляну, полную демонов.

«Вот и все», – пронеслось в голове, прежде чем тьма отчаяния захлестнула ее, толкнув в черноту небытия.

* * *

«Вот и все», – пронеслось в голове, когда она ударилась о входную дверь. Уж сколько раз твердили миру не забывать ключ от квартиры... Ну прекрасно! Просто замечательно!

Зойка тяжело опустилась на грязные ступеньки лестницы, прижавшись головой к стене. В нарядном платье, с прической и макияжем, никому не нужная глупая тетка, она застряла тут, чтобы опозориться перед сыном и его друзьями. И ведь прекрасно знала, какой «захлопывающийся» у них замок, но Лавр спутал все карты, смутив ее и заставив забыть про все.

Пустить жалостливую слезу она не позволила, только потому, что ждала возвращения гостей, но что делать – не знала. Надо бы куда-то позвонить, но она оказалась без телефона, и все равно было бы нечем заплатить за услугу: совсем не осталось денег. И соседей нет дома. Воскресенье – дачный день, так было, так есть, и так будет всегда. Пойти по другим этажам, позориться? Мысль, что ее видели в обществе сомнительных байкеров, удержала на месте.

Прошло какое-то время, и сквозь приоткрытое коридорное окно донеслось тарыхтение моторов. Теперь она знала, что это за звук, узнает его и ночью. Мальчишеские голоса, казалось, перекрикивали рев моторов. Конечно, пацаны счастливы, эмоции зашкаливают, впечатления будут держать их в тонусе ещё несколько дней. Вскоре шум стих и Зоя поняла, что рокеры уехали. Громко хлопнула железная дверь, и гул детских голосов заполнил все пространство подъезда.

Поднимаются вверх, хотят поесть тортика, а их облом ждёт. Зоя, чувствуя, как лицо заливают краска, поднялась с пола и отряхнула платье.

– Слушайте, слушайте, я, когда вырасту, в мотогонках участвовать буду, – говорил один мальчишка.

– Когда они на моциках такие крутятся и кувыркаются с трамплинов, – подхватил другой.

– Это фристайл называется, – послышался убежденный голос Кешки.

– Фристайл – это когда на лыжах, – заспорил кто-то.

– Не обязательно! – не сдавался Кеша. – Есть мотифристайл, я ролик смотрел, знаешь, как круто! Мне Лавр показывал!

– А нам покажешь? – запросили все хором. В данный момент они могли быть только поклонниками мотоспорта.

– Приходите в «Два слона», знаете где это? – охотно стал делиться информацией Кеша, гордо неся на голове, словно царский венец, свой рогатый шлем.

Вот и его рожки, то есть голова показалась на площадке. Зоя в волнении ждала, когда вся компания поднимется. Нацепила на лицо лучезарную улыбку, подбирая слова, когда замерла на месте, словно на неё ушат холодной воды вылили. Следом за ребятнёй по лестнице поднимался... Лавр собственной персоной. С лёгкой полуулыбкой он слушал Розу, заливающуюся соловьём, а замыкал шествие высоченный детина в цветной куртке, Зоя узнала в нём Розиного водителя, разделившего с ней своего «железного мустанга».

Всё, это полный крах, теперь она будет окончательно опозорена не только в глазах детей, но ещё и этих... «медведей». Хотелось просто завывать от бессилия. Ну зачем они приперлись? Чего им надо?

Лавр словно почувствовал её негативную энергетику и настороженно поднял голову. Он очень удивился, увидев Зою на лестничной площадке, что показал, выразительно приподняв одну бровь.

Дети остановились, ожидая тех, кто был внизу, предполагая, наверное, что это часть задуманного действия в рамках продолжения празднования дняху, и только Лавр проявил чудеса проницательности.

– Что-то случилась, зайка? – тихо спросил он у Зои, заламывающей руки и совершенно забывшей следить за мимикой лица, на котором читалось отчаяние.

– Ничего, – между тем ответила она и, разумеется, Лавр ей не поверил.

– А нас Кеша пригласил, с ответным, так сказать, визитом, – объяснил он причину своего неожиданного появления, – любезно пообещав вкусный торт... Но если мы не вовремя, мы уйдем, не стоит создавать неловких ситуаций.

Амбал рядом с Лавром согласно крикнул, чем умилил Розу. Она по-свойски похлопала детину по плечу, давая понять, что эта поездка сдружила и сблизила их.

– Ребята, поверьте, вы к месту, – заявила она, и Зоя поперхнулась воздухом. – В этом доме не хватает мужского тестостерона, так что, ура, товарищи! – и она отважно принялась игнорировать пунцовую от стыда и гнева подругу, улыбаясь своим новым приятелям.

– А вот и нет, – выдавила из себя расстроенная хозяйка квартиры. – Боюсь, тестостерон сегодня так и не проникнет в мои чертоги.

– Что случилось? – Лавр, казалось, проигнорировал явные намеки Розы, или делал вид, что эта скабрёзность его не касается.

– Я захлопнула дверь, – Зоя решила обойтись без лишних экивоков и сказать всё, как есть.

В конце концов, может, он сможет ей помочь? Если раздобыть топор, он мог бы попробовать отжать дверь. А что, тогда не придется ломать замок, потому что если его все-таки сломают, хоть кто-то, ей не на что будет купить новый и придется оставлять Кешку дома до полочки, а это две недели. Ну нет, лучше она у Розы займет, а то потом Кешку в школу никакими пряниками не заманишь. Подарок уже куплен и торжественно вручен, и новый рычаг воздействия на ближайшее время пока не найден.

– Ну, это ерунда, – заявил вдруг Лавр. – А то у вас такой вид, будто любимый хомячок умер. А дело-то в замке. Дайте угадаю, – он сделал загадочное лицо, и все мальчишки, глядя на него, захихикали. – Ключ... остался внутри? – и он, слегка отклонившись, направил на неё указательные пальцы обеих рук, словно целясь ей в грудь.

– О, да, вы удивительно проницательны, – вздохнула Зоя. Он, конечно, молодец, что сглаживает углы и попутно развлекает публику, но пора уже что-то предпринимать.

– Большая удача, что вы живёте на третьем этаже, – заявил Лавр. – С третьего этажа падать не так больно.

– Что вы собираетесь делать? – вдруг забеспокоилась Зоя. Он что, полезет по балконам? На третий этаж? А что, может, он не боится панически высоты, как она...

– Спасать вас, торт и день рождения, – Лавр пожал плечами и вдруг махнул ей рукой. – Пойдём с нами, посмотрите, как я падать буду. Это весело.

– Разумеется, я ни за что не пропущу такое представление, – заявила расстроенная Зоя, направляясь за оживившейся компанией.

Она слышала, как дети шепотом сообщали Кешке, что у него самый классный день рождения из всех, на каких они только бывали, и интересовались, можно ли им тоже будет вызвать байкеров на свой праздник.

Во дворе было многолюдно, на детской площадке резвилась малышня, собачники бродили в небольшой рощице, и шумная процессия, вывалившаяся из подъезда, моментально попала в поле зрения всех жильцов, находящихся на улице. Что ж, субботнее шоу продолжается.

Мужчины сошли с тротуара, у которого оставили мотоциклы, и запрокинули головы. Оценив обстановку, переглянулись, о чем-то пошептались, и Лавр резво скинул кожаную куртку, оставшись в черной футболке, обхватившей широкую грудь плотной материей. Зоя буквально почувствовала, как у Розы начался процесс слюноотделения, как она задышала, как затрепетали её ноздри.

– Зоя, – прошептала она, – Зоя, правда, он классный? Ты нарочно скрывала его от меня, да? Ты ревнуешь его?

Женщина лишь закатила глаза, выражая возмущение таким обвинением.

– Вообще-то, о мужчинах, поставивших тебя в неловкое положение и позволивших тебе опозориться, не говорят с восторгом и восхищением, – сообщила она тихонько, наблюдая, как Лавр, успешно преодолев полосу препятствия из с любовью посаженных цветов и кустиков, подскочил, и ухватился за ограждение балкона на первом этаже.

– Ох, вот бы он и меня поставил в какое-нибудь положение, – проговорила Роза, не сводя глаз с мужчины, вытянувшегося на бордюре в полный рост и ухватившегося за основания следующего балкона.

– Да пожалуйста, – фыркнула Зоя, – он весь твой, – и замолчала, с ужасом вдруг осознав, что помимо зависти, на неё только что наскочила ревность. Она что, совсем ку-ку? Ревность к чужому пар... чёрт, к чужому мужику? Да нужен он ей, как... как не знаю кто!

Лавр тем временем оседлал парапет балкона на втором этаже и помахал рукой замершим мальчишкам. Те, раскрыв рты, напряженно следили за своим героем. Было видно, что они переживают, боясь обещанного самим же Лавром падения, не понимая, что это было шуткой.

– Ой, что же он творит-то, пресвятая мать божья, – запричитала вдруг бабулька из соседнего подъезда, – середь бела дня, паразит же, лезет грабить!

– Да что вы говорите, матушка, – обратилась к ней дочь, держа на поводке болонку. – Стал бы он лезть, когда вы во дворе гуляете.

Доминошники, сидящие неподалеку и забывшие про игру, загоготали.

– Лишь бы кто полицию не вызвал, – проговорил один из них задумчиво. – Объясняй им потом, что ты не верблюд.

У Зои защемило сердце. А что, если и правда, кто-то не так поймёт действия Лавра? Но всё обошлось, и прежде чем кто-то успел бы набрать ноль-ноль-два, Лавр уже стоял на балконе Зойкиной квартиры.

– Уррааа! – завопили ребята, запрыгав на месте от радости, что все закончилось благополучно, и их герой все-таки не упал.

– Ты молодец! В награду тебя ждет поцелуй красавицы! – закричала вдруг Роза и Лавр, почему-то, без улыбки посмотрел на Зою.

Та демонстративно поджала губы и принялась поправлять и разглаживать платье – она ничего не говорила. Мужчина хмыкнул.

– Ну, чего стоим? Милости прошу на чай! – крикнул он и скрылся в квартире.

Когда Зоя вошла в кухню, чайник уже стоял на газу, Лавр, присев на подоконник и скрестив руки на груди, внимательно смотрел на неё.

– И где же поцелуй красавицы? – произнес он, прищурившись.

– Розалиин! – крикнула Зоя, не сводя пристального взгляда с мужчины. – Роза, иди сюда! Пришло время выполнять обещание.

Лавр не дрогнул, лишь снова его бровь поползла вверх.

– Сколько, оказывается, у нас комплексов, – тихо произнёс он и, прежде чем Зойка, задыхнувшаяся от возмущения и стыда, успела что-то сказать, незакомплексованная шатенка уже приблизилась к герою дня, повисла у него на шее и энергично впиалась в губы.

Зоя быстро отвернулась и пулей вылетела из кухни. В конце концов, ей нужно проверить, вымыли ли ребята руки после своей грандиозной поездки, и усадить всех за стол.

Она понимала, что Лавр не вкладывал в этот поцелуй никакого смысла... или вкладывал? Да какое ей дело! В конце концов, он знакомый её сына и она вообще не обязана с ним общаться. Тем более что теперь это так и так будет сложно из-за того, что Роза, кажется, категорически положила на него глаз. Что ж, Зойка здесь ничего не решает.

Вскоре все сидели за столом, Лавр принёс горячий чайник и самолично разлил кипяток по подставленным чашкам. Зоя намеренно усадила его рядом с Розой, чтобы не оставить места никаким иллюзиям на его счёт и показать подруге, что она была честна, когда пообещала, что не будет препятствовать ей в попытке замутить с этим парнем. Да какой он парень, мужик уже, а всё по бабам бегаёт. Или не бегаёт? Она что же, готова уже и помоями его облить, лишь бы не страдать?

Ну вот, опять: убегала от боли, а она к ней в дом заявила, по приглашению собственного сына... Прекрасно! Просто замечательно! Ну и пусть. Вот выпьет чая, заберёт с собой Розу и уедет на своем драндулете. И скатертью дорога. Зое спокойней будет тосковать в пустой квартире, чем она и займется, когда останется наедине с грязной посудой.

– Ну что, именинник, – обратился Лавр к Кеше, когда торт был съеден, чай выпит, и разморенных детей уже клонило в сон, как и солнце, которое разливалось по краю неба рыжеватой лужицей. – Как себя чувствуешь?

– Было классно, – честно ответил мальчик.

– Какие планы на новый год?

– Сейчас же не новый год, – изумился кто-то из ребят.

– У Иннокентия как раз начался новый год его жизни, двенадцатый по счету, – охотно пояснил Лавр. – Так чем намерен заняться?

– Паркур, – изрек Кеша, и Зоя схватилась за сердце.

– Ну, старик, ну отжог, я в отрубях валяюсь, – засмеялся мужчина. – При чем тут паркур? Я вообще-то об учебе говорил, о помощи матери, знаешь ли.

– А я когда смотрел на тебя, как ты карабкался к нам на балкон, – Кеша громко сглотнул, как делал всегда, когда волновался или серьезно о чем-то рассуждал, – ну вот. Так и подумал, что классно быть таким ловким, сильным и крутым. Как ты.

– Ничего себе, ты респект мне выдал, – хмыкнул Лавр. – Дай пять, – и он хлопнул по подставленной мальчиком ладони. – А про поведение что-нибудь скажешь?

– Ну да, конечно, – закивал Кеша. Сейчас он был готов подписаться под чем угодно. – Я вообще-то, неплохой ребенок, – и он покосился на мать, ожидая подтверждения его слов. – Ну, бывают проблемы с поведением...

– И у меня, и у меня, – тихо поддакнули остальные ребята, попавшие под обаяние Кешинового знакомого и испытывая к необыкновенному мужчине абсолютное доверие.

Зоя подошла к сыну и погладила по голове, приглаживая растрепавшиеся вихры.

– Да он просто замечательный ребенок, – поддержала она его. – Но паркуром займешься только через мой труп, – и Кеша уловил в ее тоне уже знакомые стальные и титановые ноты.

– Есть у меня знакомый человечек, – заявил Лавр задумчиво, и Кеша напрягся, ожидая спасительного разрешения. – Думаю, годика через три, с разрешения твоей мамы, – почтительный кивок в сторону Зои и насмешливый блеск в глазах в её же адрес, – я тебя познакомлю с опытным паркурщиком. А пока – учеба, и только учеба, усек, друг?

Кеша вздохнул, но быстро рассудил, что это лучше, чем ничего, и согласно кивнул. Он был счастлив, найдя глазами свой крутой шлем, торжественно водруженный на мамин комод.

– Ну, думаю, праздник закончен, – громко объявила Зоя.

Она чувствовала себя выжатым грейпфрутом, не терпелось остаться одной. Всё же, не видя счастливой Розы, ей будет спокойнее пережить это разочарование. И, собственно, ничего не произошло, по крайней мере, для Зойки: Лавр приезжал к Кешке, где случайно познакомился с красивой женщиной, и вполне может себе позволить познакомиться с ней поближе. Кто тут может быть против? Зоя? Её удел – одиночество, так что она согласна на всё, лишь бы её скорее оставили в покое.

Кешка отпросился к одному из своих приятелей в соседний подъезд, и Зоя решила, что так даже лучше. В тишине она быстро наведет здесь порядок и отдохнет.

Поблагодарив гостей за визит и подарки, проводив взглядом сына, снова напавшего свой мото-шлем, и намеренно избегая взглядов как Лавра, так и Розы, проигнорировав также, весь вечер промолчавшего амбала, приятеля Лавра, она выпроводила шумную компанию, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Слушая, как шум постепенно затихает, пока ватага спускается по лестнице, почувствовала, как закипают первые слезы. Опять жалость к себе будет душить ее, опять комплексы станут издеваться над ней, и к ним присоединится ревность. Добро пожаловать, голубушка, только тебя здесь и не хватало.

Только она выпрямилась, чтобы направиться в комнату за порцией грязной посуды, как услышала шаги, замершие перед её дверью. Кешка, что ли вернулся, подумала она и решительно взялась за ручку. Трель звонка прозвучала одновременно со скрипом открывающейся двери, и Зоя застыла, увидев на пороге квартиры Лавра.

ГЛАВА 5

Про документы, разбитые чашки и ночных медведей

– Эммм... чем обязана? – Зоя застыла на месте, во все глаза разглядывая визитера. Какой же он высокий, пронеслось в голове. А сердце при этом так заколотилось, что, наверное, выскочило бы из груди, если бы умело прыгать.

– Прошу прощения, зайка, что снова отвлекаю, врываясь в вашу устоявшуюся размеренную жизнь, – произнес он вкрадчиво, без капли насмешки в глазах, – но дело в том, что...

– В чем? – Зойка безотчетно подалась вперед, проигнорировав опасно близкое расстояние. Она уловила аромат одеколona или лосьона и, о, небеса, это было божественно. Куртка скрывала мускулы, но память услужливо выдала картинку, повергшую бедную женщину в смятение, как днем, когда его бицепсам было тесно в рукавах футболки, и ткань была готова треснуть на груди.

– Э... у вас мой паспорт, – прозвучал бархатный голос Лавра, – и я чуть не уехал без него.

Зоя громко выдохнула, сбрасывая последние брызги очарования, за которое выдала временное помутнение рассудка. Разумеется, он не грусть-тоску ее пришел развеять, ему всего лишь нужен паспорт.

– Где же он? Куда я его убрала? – она сделала огромные глаза и заметила, как дернулся мужчина.

– В чем дело? Вы его потеряли? – Лавр в волнении схватил шлем обеими руками.

– Кажется... О, мне так жаль, вернее, даже не так, мне очень стыдно, – мямлила Зоя, то прикладывая обе руки к пышной груди, то прикрывая ими лицо. Её забавляло искреннее разочарование Лавра. Так ему, нечего было издеваться над ней, без стеснения обсуждая ее комплексы.

– Надо было умудриться это сделать, – пробормотал он, прикусив губу (от досады?)

– Я не нарочно, просто такое навалилось – сами видели, я растерялась, потеряла голову от расстройства, ну и, в общем, где-то я ваш паспорт оставила.

– Ну... ладно, ничего страшного, это не смертельно, – проговорил он упавшим голосом, разворачиваясь, чтобы уйти. – Не расстраивайтесь, я заплачу штраф, и через месяц у меня будет новый документ, – полушутя давил он на совесть виновницы. – Хотя, паспорт был символом моего доверия и, можно сказать, вы его потеряли в буквальном смысле.

– О, как я могла забыть о кармане в моем платье! – притворно радостно воскликнула коварная женщина и извлекла на свет божий документ, удостоверяющий личность гражданина, стоящего напротив и глядящего на неё во все свои огромные серые глазищи.

– Своеобразное у вас чувство юмора, – пробормотал Лавр, приходя в себя. – Дайте пять, – и он протянул широкую ладонь.

Зоя не смогла отказать себе в удовольствии прикоснуться к ней и, довольная, зарделась, пытаясь согнать с лица улыбку, после чего торжественно протянула мужчине документ.

– Заглядывали в него? – с подозрением спросил он, оставив паспорт в её руках так, что они оба держали его за края.

– Изучила каждую страничку, – заверила женщина. – Недаром ваше лицо показалось мне смутно знакомым. Я не ошиблась – вы известный маньяк и за вами охотится полиция.

– Уверяю, дамочка, вы меня с кем-то сильно перепутали, – широко улыбнулся мужчина. – Я не имею отношения к этим делам. Я всего лишь скромный наркобарон, причем отошедший от дел, и только недавно сделал пластическую операцию.

– О, и зачем же вы на ней сэкономили? – не удержалась Зойка и тут же покраснела. Боже, какая она грубая, совершенно не умеет говорить со свободными раскрепощенными мужчинами, скатываясь до банального хамства.

Опять эта приподнятая бровь. Боже, столько такта, столько иронии, и столько... сдержанности.

– Простите меня, Лавр, – пробормотала она. – Чего-то я снова закосила. Попробуйте списать это на мою общую усталость в связи с тупым захлопыванием двери и переживаниями матери по поводу беспечности своего сына.

– Уверяю, вашему сыну не грозило никакой опасности, – произнес Лавр серьезно, вытянув, наконец, из ее пальцев паспорт и пряча его во внутренней карман куртки. – Я несу ответственность за людей, которые мне доверились, да и о своей жизни пекусь, так что... скорее метеорит мог свалиться нам на голову, чем я бы стал виновником аварии.

– Вот про метеорит – это вы классно сказали, – усмехнулась Зоя, – аргумент блестящий, – и кивнула головой в подтверждение своих слов. – Хотите выпить? – вдруг встрепенулась она.

– Ну... у вас кроме чая, наверное, и нет ничего крепче, – заметил мужчина.

– Ну почему же, кофе.

– А, пожалуй, я приму ваше приглашение, – заявил вдруг Лавр и шагнул через порог.

Да, с «выпить», это она здорово придумала, глупая мазохистка. Знает же, какой мучительной будет агония, но решила-таки ее продлить. Подумать только – мужчина в ее доме! Вот Роза бы удивилась... Стоп! Роза!

– А Роза... она ждет внизу? – поинтересовалась невинным тоном, приглашая гостя на кухню.

– Не-а, Роза уехала с Максом, – сообщил Лавр, бережно опуская шлем на полку под зеркалом и вскользь бросая взгляд на свое отражение. – Макс, это мой приятель, он был со мной, только молчал все время, – пояснил он, оборачиваясь.

– Да, да, я помню его. Такой интересный молодой мужчина, милый и обаятельный, – закивала Зоя, направляясь по коридору в кухню.

– Что, серьезно?

– Да нет, конечно, – рассмеялась она. – Я даже не запомнила его. Без куртки на улице вообще не узнаю.

Единственное, о чем она сейчас жалела, так это что забыла заглянуть в его паспорт. Не узнала, сколько ему лет, женат ли он и есть ли у него дети. Могла бы еще узнать, где он живет. Хотя, в наше время прописка в паспорте не обязательно соответствует реальному месту проживания. И как только Роза согласилась уехать не с ним? Наверняка девочка разочарована, и когда позвонит, Зое придется ее «лечить» и утешать, выслушивая жалобы о коварстве и безразличии Лавра.

– У вас такая неважная память? – казалось, Лавр искренне удивлен и даже сочувствует.

– А вы, оказывается, можете быть бестактным? – она с грохотом поставила чайник на плиту.

– О, пardon, мадам, подобное больше не повторится, – Лавр сделал смешные глаза, при этом склонившись как высокородный идадьго.

– Да ладно, со мной можно по-простому, – успокоила его Зоя, расставляя чашки на круглом столе.

Своей кухонькой она гордилась: чисто, светло и... тесно. Этот медведь, втиснувшийся между холодильником и столом, выглядел забавно, словно гигант в кукольном домике. – Как вы пьете кофе? – обратилась к нему Зоя, подавляя улыбку. А Кешка огорчится, когда узнает, что Лавр заходил без него.

– Две ложки, без сахара, спасибо. Но позвольте вам не поверить.

– Чему именно? Что у меня отыщется сахар?

– Что вы позволите общаться с вами по-простому, – Лавр с прищуром наблюдал, как кипяток, плюясь и брызгаясь, наполняет его игрушечную чашечку.

– А в чем дело? – Зоя невольно сдвинула брови.

– Вот видите, вы уже напряглись, а ведь я еще даже и не начинал, – усмехнулся мужчина, придвигая к себе чашку.

– А вы не думали, что все дело в вас?

– О, сотни людей подтвердят вам, что это не так.

– Просто, возможно, вы неправильно меня поняли, – прошипела Зоя. – «По-простому» – не значит без церемоний и беспардонно.

– Не припомню, чтобы я нарушил какую-то церемонию или беспардонно вас задел, – пожал плечами Лавр, затем внимательно взглянул на Зою и нахмурился. – О, похоже, зая, что бы я ни сказал и ни сделал – вам я в любом случае угодить не смогу.

– Ну почему же, зачем вы так, – процедила «зая». – Я, например, очень благодарна вам за отвагу, когда вы бесстрашно забрались на третий этаж и открыли мне дверь. Вы даже не представляете, какой проблемой это для меня было, – все бы ничего, но сказано это было таким тоном, что едва ли походило на признательность и благодарность.

– Пока мы рассекали пространство мира, гоняя с ветром наперегонки... гхм... – Лавр вдруг запнулся, так как совсем недавно утверждал, что скорость была безопасной, – ну, в общем, пока нас не было, вы и сами могли бы спокойно проделать этот трюк.

О, как мило, какая прелесть, над ней можно насмехаться, и он умело это делает! Ну прекрасно! Просто замечательно! Розу бы он, наверняка так не оскорбил, он бы и мысли не допустил, чтобы нарисовать и тем более озвучить эту картинку, как женщина пятидесятого размера в платье и на каблуках карабкается по балконам. Но с Зоей-то можно и по-простому! О, да она же сама ему это только что предложила.

– Я просто боюсь высоты, – произнесла она с таким видом, будто ей стало трудно дышать, и Лавр понял, что взрывоопасную ситуацию надо срочно купировать.

– А хотите, я помою посуду! – предложил вдруг он и, не дожидаясь ответа, вскочил и бросился в комнату.

Через минуту послышался звон разбитого стекла, и Зойка подскочила как ужаленная. Рижский сервиз, он старше чем она, и дорог её сердцу, как семейная ценность. Когда она ворвалась в комнату, спасать уже было практически нечего. От чайного сервиза на шесть персон осталось лишь две чашки и три блюдца. Добро пожаловать в разноперую солянку из чашек и тарелочек всех цветов и размеров!

– Упс, – произнес Лавр и, как ни была расстроена Зоя, она увидела, что ему неловко. – Простите.

– Ладно, забудьте, он слишком стар и дни его так и так были сочтены, – проговорила она, пытаясь скрыть печаль в голосе. – Сейчас принесу ведро и веник. А вы не трогайте ничего тут, чтобы не порезаться осколками.

Она сделала, как и сказала, и оба присели на корточки, принявшись заматывать на совок осколки посуды.

– А вы заботливая, – проговорил тихо Лавр.

– Да, я такая, и уж если теряю иголку, не прошу Кешку разуться и ходить босиком.

Лавру потребовалась несколько секунд, чтобы вспомнить анекдот, старый, как и этот сервиз.

– Нет, правда, – проговорил он. – Побеспокоились о моих руках, принесли всё необходимое, собираете и молчите, вместо того чтобы ругать мою косорукусть на чем свет стоит. Вы и с Кешей такая. Беспокойтесь за него, стараетесь оберегать от всего... Только это невозможно. Парень не вырастет настоящим мужчиной в тепличных условиях.

– Но это не какие-то особенные тепличные условия, – не согласилась с ним Зоя, – это просто любовь... и страх за него.

– Я понимаю, и Кешка знает, что вы его любите, это очевидно, и он сразу дал мне это понять.

– Что, правда?

– Ну, я сразу понял, что мальчик из приличной семьи, что мама за ним следит и он её уважает, – заверил Лавр. Он накрыл своей ладонью её руку. – Давайте дальше я сам. Вы действительно сегодня устали. Судя по антуражу, – он огляделся с улыбкой, – у вас была ещё та вечеринка, с конкурсами и испытаниями, я прав?

Самодельные плакаты, шары и детские поделки валялись по всей комнате.

– О, да, дом ходил ходуном, все стояли на ушах и было шумно, – улыбнулась Зоя и послушно уступила ему совок и веник, сама же осталась сидеть рядом. Увеличивать расстояние между ними ей не хотелось.

– Понимаете, зая, – доверительно обратился к ней мужчина. – Парень не сможет поверить вам на слово, что где-то опасность, если не попробует посмотреть ей в глаза.

– Что вы такое говорите, – сразу возмутилась Зоя.

– Послушайте меня, я поясню иначе свою мысль. Если малыш дотронется до горячего, он всю жизнь будет избегать этой опасности. А если его просто уводить в сторону, он не сможет однажды вовремя её идентифицировать и избежать.

Зоя молчала.

– Как он станет смелым, если вы уберете из его жизни все страхи и малейшие опасности? Как он станет ловким, если вы лишите его возможности испытать свою силу и ловкость? Ну, я не знаю, что еще можно привести в пример... – Лавр задумался.

– Да я понимаю вас, – вдруг произнесла Зоя. – Прекрасно понимаю, что вы хотите мне сказать, и признаюсь, тут с вами не поспоришь, но...

– Но?

– Я просто за него боюсь. Случись с ним что, не сумеет он проявить свою ловкость или смелость – он пострадает. И что тогда мне делать?

– Но ведь это тренируется. Сначала всегда проводятся бои на тренажерах, потом в условиях, приближенных к боевым, и только потом бойцов выпускают в реальные полевые условия.

– У вас все гладко и складно выходит, – грустно улыбнулась Зойка, качая головой. – А у меня на руках мальчик, и мы не черновик пишем, мы живем на чистовую, и второго шанса нам может быть не дано.

– А хотите, я вам его дам? – Лавр долгим взглядом посмотрел ей в глаза.

Давно она так не говорила с мужчиной, в обжигающе возбуждающей близости от него, заглядывая в глаза, чувствуя его дыхание на своем лице. Зоя вдруг поймала себя на мысли, что когда общается с Лавром, не думает о том, как выглядит. Забывает о своей внешности, полноте и всех комплексах. Словно он сам этого не видит и это перестает быть проблемой номер один и для неё самой. Он как-то быстро отвел её от болезненной темы, сместил акценты после того инцидента в магазине в их первую встречу.

Это она, как дурочка, зарывалась, а парень, похоже, общается с личностями, а не с их весом и объемом талии. Вот и сейчас смотрит на неё так, словно хочет сказать что-то сокровенное и важное, что может доверить только ей. Стоп, а может, он ездит ей по ушам и просто играет её чувствами?

Зоя медленно поднялась и сверху-вниз взглянула на своего гостя.

– Сам ангел господень пожаловал ко мне в мою скромную обитель, даруя второй шанс, позволив исправить былые ошибки, – произнесла она с сарказмом. Что поделать, комплексы... Она уже признавалась, что не умеет общаться с мужчинами.

– Ну, что вы натворили в прошлом, я едва ли могу исправить, – сказал Лавр тихо, не обращая внимания на её насмешливый тон. – Но про шанс я серьезно. Вот вы все ругаете нас, мол мы, дремучие глупые переростки, забывшие повзрослеть и поумнеть, ничего в жизни не достигшие, мы представляем опасность для подрастающего поколения своей инфантильностью, подавая им дурной пример и лишая их возможности иметь идеал, образец для подражания.

Женщина молчала, хлопая ресницами. Неужели именно это Зоя дала ему понять, когда выступала в магазине из-за того, что он слишком долго на нее смотрел? Ну да, она была сердита, потому что стыдится себя до поросычьего визга, но...

– А мы создали классный клуб «Ночные медведи», в котором парни могут найти себя и свой путь в жизни. И это не навязывание нашей субкультуры, образа жизни и личного мировоззрения, а шанс найти что-то свое, особенное для каждого. Это территория свободы.

Лавр замолчал, ожидая возражений, но их не последовало. Что тут скажешь? Территория свободы? Это то, чего до смерти не хватает самой Зое.

– Зая, вы даже не представляете, как много в нашем городе потерянных душ, детей, не нужных ни родителям, ни себе. Они не знают, как дорого на самом деле стоят, и кто-то должен сказать им об этом правду.

– Но мой ребенок не беспризорник, он не заброшен, и я не пренебрегаю им, – возмутилась Зоя. – Вы же сами только что это подтвердили.

– Да, разумеется, ему посчастливилось родиться в любящей семье, – заверил Лавр, – но знает ли он себя? Он ищет свой путь, а вы обрубаете ему все ходы, ставите препоны на каждом шагу.

– Это неправда, – возмутилась Зоя, но без былой уверенности.

– Ой, да ладно! Вы до чертиков боитесь, что он станет слушать не ту музыку, которую принимаете вы, будет носить не ту одежду, которую вы считаете приемлемой, и станет делать многие вещи, которые вы понять просто не в состоянии. Вы боитесь, что однажды он станет таким, кого вы не сможете понять и принять, ведь так?

– Если это сеанс у психотерапевта, то у меня нет денег и я вам всё равно не заплачу, – буркнула расстроенная Зойка. Он словно в голове у неё покопался.

– Зайка, я сам вам заплачу, только обещайте мне, что попробуете доверять своему сыну чуть больше, чем прежде, – проговорил Лавр, проникновенно глядя ей в глаза.

– И что же это за «ночные медведи»? Вы попросите меня отпустить его на ваши ночные сходки?

– Боже упаси, конечно нет. Пока он учится в школе, он в вашем полном подчинении. Но ночным медведям есть чему научить его и при свете дня, – заявил Лавр.

– Например? Как гонять на мотоцикле, пить пиво и громко рыгать?

– Да, материнское сердце – страшная сила, – проворчал Лавр, поднимаясь во весь свой исполинский рост. – Короче, я допиваю кофе и ухожу, и если Кешка сунется в мой магазин, я отошью его и просто заставлю уйти. Но если он станет мрачным и замкнутым, не спрашивайте его, в чем дело. Знайте, что парня лишили какой-то части его души, его мечты, его фантазии о чем-то настоящем и большом, хорошо? Я вас предупредил.

Лавр взял ведро с осколками былой роскоши и направился на кухню. Встревоженная Зойка побежала за ним. Она наблюдала, как он молча сполоснул руки под краном, и угодливо протянула полотенце. Он кивком головы поблагодарил ее за эту любезность, подошел к столу, попробовал остывший кофе и чуть заметно поморщился.

– Я передумал, – заявил мужчина, посмотрев на хозяйку квартиры. – Я не стану допивать кофе, я уйду прямо сейчас, – и направился в коридор.

Зоя отважно встала у него на пути, преграждая дорогу.

– Хорошо, возможно, я слишком устала и перенервничала, чтобы понять цели и идеи, которые ночные медведи несут в массы, и возможно, природная вредность мешает мне признать частичную правоту вашей работы с подростками. Я просто прошу вас дать мне шанс в более спокойных условиях еще раз поговорить об этом. Сейчас я просто не в состоянии что-то услышать и усвоить. Не говоря уже о том, чтобы принять.

Лавр с хмурым лицом выслушал это сбивчивое признание и довольно улыбнулся.

– Отлично, извинения приняты, – сообщил он. – Пошли с нами в поход, – и слегка прикоснувшись к её плечу, пододвинул в сторону, чтобы всё же пройти в коридор.

– В поход? Зачем это? – Зоя поплелась следом, всё еще чувствуя тепло от прикосновения к плечу.

– Кешке понравится, уверяю вас, – Лавр мельком глянул в зеркало, поправив волосы, и потянулся за шлемом. – Выживание в экстремальных условиях – самое то для домашних мальчиков. А выше присутствие ограничит наш беспредел и фантазию, направленную на измывательства над рыхлыми телами избалованных детишек.

Зоя не любила походы. Вернее, не так. Она ненавидела их, потому что всю сознательную жизнь была их лишена. Не с кем было туда отправиться, не было даже приличного костюма для подобного мероприятия, и она не обладала той фигурой и физической силой, которая дала бы ей возможность наслаждаться этим действием, а то, что в походах можно ловить кайф, она не сомневалась. Это всю жизнь было для нее верхом романтики. Палатки со спальниками, песни под гитару у костра, еда и чай с ароматом дымка, стрекот ночных сверчков и горящие звезды в небе. Ничего этого в её жизни никогда не было. Кто-то другой наслаждался подобной красотой, пока Зойка задыхалась в пыльном городе, носясь по замкнутому кругу своих проблем и жизненных неурядиц.

И вот такую размазню этот парень зовет в поход? Разумеется, она скажет «нет», и будет ненавидеть за это и его, и себя. Его за искушение, себя – за малодушие и трусость. Но Кешка... он был бы рад, уж это точно. За Лавром, похоже, он пойдет и в огонь, и в воду, и пролезет даже в самую узкую медную трубу, если Лавру это зачем-то понадобится.

Но Кешку одного она в лес непустит!

– Мне надо подумать, – выдавила она, зная, что не будет спать полночи, думая об этом коварном финте медведя. Свалился же на её голову!

– Вот и славненько! – улыбнулся Лавр и, подмигнув, вышел из квартиры.

ГЛАВА 6

Про аллюр, радость подруги и профуканный сейшн

– Мистер Ченинг, почему же вы не скачете вместе со всеми за оленем, ради которого мистер Уайт и собрал нас всех? – мадам взглянула на своего спутника.

Ее кобылица шла медленным аллюром. Вороной рысак Ченинга еще не остыл от недавней гонки, но хозяин сдерживал ретивого коня, чтобы приноровиться к темпу молодой женщины.

– Чтобы иметь возможность любоваться красотой, – произнес молодой человек.

Женщина с улыбкой покосилась в его сторону.

– Вы правы, вид вокруг, действительно, восхитительный. Здесь чудные места.

– О, мадам, прекрасная, обворожительная мадам, – проговорил вдруг Ченинг страстно, повернувшись всем корпусом к женщине. Его темные глаза полыхнули огнем, который несказанно смутил женщину, так что она с поспешностью отвернулась. – Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, и о чем желаю говорить с вами вот уже два дня.

Женщина склонила голову, пряча глаза под полями шляпки, и до дрожи сжала пальцы, удерживая поводья. На ней была темно-синяя амазонка, которая необыкновенно ей шла, идеально подчеркивая безупречность фигуры. На фоне изумрудной листвы мадам выглядела волшебной нимфой, от которой Ченингу было трудно отвести горящий взор. Он боролся с собой, со своим желанием, и правила приличия, вбитые с детства, с трудом сдерживали страсть.

– Дайте мне лишь несколько минут, и я открою вам сердце, – начал мужчина, но женщина вытянула руку, желая остановить его.

– Прошу вас, ни слова больше, – произнесла она почти со страхом. Ее грудь вздымалась, Ченинг увидел, что женщина взволнована.

– Вы божественны, позвольте мне стать единственным адептом в вашем храме, я посвящу всю свою жизнь поклонению вашей красоте, – проговорил мужчина, сверля ее жадным взглядом.

Ей было неприятно выслушивать эти высокопарные слова. Она не знала точно, привлекает мистера Ченинга ее «неземная» красота, или же состояние, оставленное родителями. В любом случае, ему нельзя доверять. Узнай он ее тайну – первым бросит камень, на этот счет молодая женщина не питала ни малейших иллюзий.

Этот мир жесток и выживают в нем лишь великие эгоисты, которые принесут, не дрогнув, в жертву самое дорогое и ценное, лишь чтобы избавиться от того, что может сделать их уязвимыми. В ее кругу нет людей, которые могли бы понять ее и посочувствовать.

Узнай они, какой сердечный выбор она сделала – поднимется скандал, люди пойдут на все, лишь бы защитить свои ряды от «проходимцев» и отстоять право считаться кастой привилегированных.

И что толку в том, что Серж гораздо благородней и возвышенней каждого из них, прекрасней и душой, и телом. Это никому не мешает уничтожить его, загнать с улюлюканьем, как этого бедного олененка, чтобы потом, вымыв руки, пойти к столу и, как ни в чем ни бывало, приступить к трапезе.

Порой мадам казалось, что жизнь сибаритов и небожителей как раз и заключается в травле иных, в чистке своих рядов и сохранении элитарного закрытого клуба.

Но нет, такого удовольствия она им не доставит. Ее тайна навсегда останется сокрытой в глубине сердца, и пока она дышит, она будет любить. Не за высокопарность слов, не за надушенные манишки, не за счет в банке, о, нет. За ту радость и свободу, которые обрела, утонув однажды в искренних глазах прекрасного художника. Серж... Даже если теперь все и кончено между ними...

* * *

Зоя ошиблась: вечером Роза не позвонила, а на следующий день оказалась недоступна. Или что-то случилось и она в великом трауре, или все настолько хорошо, что пошли все лесом, лишь бы не мешали ей.

Так бывало и раньше, Зоя особо не волновалась по этому поводу. В голове, конечно, всплывали картинки, как Лавр приглашает её на свидание, как проводит с ней время в каком-нибудь модном клубе, а потом везет на своем блестящем мотоцикле к себе...

Блин, она так и не выяснила, где он живет. Разумеется, это неважно, но вот с ней так всегда – окажись у неё даже волшебная палочка или золотая рыбка, она и тогда обязательно профукает свой шанс и всё потеряет: захлопнется дверь, и Зоя тут же забудет, какой потрясающий артефакт только что держала в руках. Она растяпа, нелепая и смешная... и глупая. И не скажешь, что тридцать пять...

– Зоя, сядь, а то упадешь и огребешь сотрясение мозга, – заявила Роза, когда через пару дней соизволила позвонить подруге.

– Что, всё настолько плохо? – упавшим голосом произнесла Зойка, присаживаясь на табурет возле кухонного стола.

– Ты что, конечно же нет, всё просто офигенно! – Роза, разумеется, не поняла, что имела в виду подруга. Ей было невдомек, что если у Розы всё хорошо, значит, именно поэтому у Зои – полный ноль и даже минус.

«Ну давай, добей меня», – мысленно разрешила Зоя и приготовилась выслушать очередную повесть о любви своей охочей до подобных приключений подруги.

– Поведай своей старушке с артритом, как прошли последние два с половиной дня твоей бурной жизни, – произнесла она, взяв себя в руки.

Роза тут ни при чем. Она как бы даже спросила разрешения, и это притом, что Зоя и Лавр не встречались ни официально, ни в перспективе, ни в альтернативной реальности.

– Короче, Зойчонок, ты не поверишь, но он такой лапочка, что прямо мимики! – затапорила Роза. – Минимум слов и максимум дела, ну ты меня понимаешь?! – мурлыкала она. – А еще он подпустил меня к своей бороде и доверил побрить его, прикинь!

– И что, он теперь без бороды и весь в шрамах? Он в суд на тебя не будет подавать?

– Дурочка, никто ни на кого куда подавать не будет. Ты же знаешь, у меня легкая рука. Но если крутой байкер доверяет своей новой подружке побрить его, о чем это говорит?

– О чем? Что ему надоела растительность на лице, но он желает сэкономить на услугах парикмахера?

– Фу, Зоя, какая ты злюка, чесслово! Просто между нами не осталось никаких границ и он мне полностью доверяет!

– Он тебя использует как бесплатную рабсилу.

– Да нет же, мы стали одним целым, понимаешь?

– Что, прямо как гермафродит?

– Зоя, остановись! Яд, прежде всего, отравляет того, кто его источает, ты слышишь? Между прочим, Лавр восхваляет твою доброту и ум, а ты тут вон как себя ведешь со своей лучшей, кстати, подругой! Знал бы он про твою вторую сторону, – сделала вид, что обиделась, Роза.

– Вам делать, что ли, больше нечего, как в постели обо мне говорить? – ужаснулась такому факту Зоя. Они что, с ума сошли?

– Знаешь что, я приличная девушка, – заявила Роза озадаченно, – и секс предпочитаю классический, один, так сказать, на один со своим избранником, понятно?

– Не очень.

– Третий – лишний, что бы сейчас ни говорили про разнообразие в этом деле, ясно? И мне не стыдно, что я придерживаюсь стандартных взглядов по этой теме. Я, между прочим, православная христианка, и никаких извращений себе не позволяю. Так что твои подозрения и обвинения в извращенности...

– Эй, остановись на немножко, – перебила Зоя, – о чем ты говоришь? Про какие такие извращения? Лавр что, извращенец?

– Да ты совсем что ли ку-ку? – возмутилась подруга. – У меня трубка из рук чуть не вывалилась.

– Я ку-ку? Я спросила про Лавра, и ты без промедления принялась разглагольствовать об извращениях. Что мне прикажешь думать? Он в постели с тобой говорит о моей доброте?

– Вообще-то нет, с Лавром я разговариваю за столом, – медленно произнесла Роза.

– А, ну теперь понятно, – Зоя опять сникла. – В постели с ним ты говоришь о себе, а за столом – обо мне. Хорошо, вот теперь всё встало на свои места.

– Нет, ну опять двадцать пять! Ну точно ку-ку, – возмутилась почему-то Роза. – Почему ты Лавра всё время укладываешь в мою постель?

– Я? Лавра? Да это ты ку-ку, Розамунда Алибабаевна!

– Да нет, это ты с ума сходишь, Зойлинару Худыйбердиевна. Когда я выползаю из кровати Макса, я иногда встречаю Лавра, и он мне говорит о тебе. Я вообще-то, комплимент планировала тебе сделать, а не мои сексуальные пристрастия обсудить.

Зоя онемела... Кажется, она даже услышала, как скрипят шестеренки у нее в голове, и мысли со скрежетом пытаются встать в таком порядке, чтобы стало ясно и понятно, в чем дело и какова ситуация на самом деле. Осталось только поставить последнюю точку.

– Розанчик, так ты, значит, брила бороду Максy? Тому красавчику под два метра ростом? – елеинным голосом спросила она.

– Я так поняла, что на его место, по каким-то одной тебе ведомым причинам, ты поместила своего Лаврушку, – проявила чудеса дедукции подруга.

– Ну, я ошиблась, – призналась почти счастливая Зоя, – с кем не бывает.

– Ага, конечно, меня чуть на такие откровения не развела, – пробурчала Роза, но было слышно, что она в приподнятом настроении.

– Ну ладно, продолжай про своего красавчика, – милостиво разрешила Зоя уже в совершенно другом настроении.

– Ой, да ну, я уже поняла, что это тебе совершенно не интересно, – отмахнулась вдруг Роза. – И вообще, сегодня вечером мы идем с ним на концерт. Так что мне некогда болтать, надо собираться.

– На какой концерт? – Зоя почувствовала, как край её неба снова мрачнеет. Она практически ощущала, как сгущаются свинцовые тучи на горизонте её жизни. Скоро она совсем потеряет Розу и останется совершенно одна, не с кем будет и словом перемолвиться.

– Какой концерт – я не знаю, какой-то там джаз, или блюз, или свинг, слово-то какое, господа, подобрали, – оживленно говорила Роза. – Кстати, если хочешь – пойдем с нами, – любезно предложила она.

– Нет, что ты, этот концерт, я уверена, лишь предлог для встречи, – пробормотала Зоя. – Не хочу вам мешать, но спасибо за приглашение.

– Ну, дело твоё, – не стала настаивать подруга. – Тогда всё, дорогая, целую, не скучай, помни – я всегда рядом, – и Роза отключила телефон.

Зоя рассеянно кивнула и положила мобильник на стол. Скоро его можно будет выкинуть, потому что некому будет ей звонить. Подумать только, она завидует Розе. И чему? Что та пойдет слушать музыку, о которой понятия не имеет? Или что она пойдет туда с Максом, от которого, благодаря странному кульбиту судьбы, оказалась без ума? Или что там будет Лавр? Наверняка он там будет. Да вся их банда соберется, наверное. Будут пить пиво и тихо балдеть под звуки любимой музыки...

А она идет штопать носки и подрубать брюки Кешке. А потом надо отыскать его во дворе, затащить домой, затолкнуть в ванную, насильно накормить и уложить в постель. И дню конец, а завтра – то же самое...

Она прошла в комнату, включила телевизор, достала шкатулку с нитками и принялась коротать вечер.

Зойка больная на всю голову. Или на все сердце... Она способна заплакать даже тогда, когда Кешка слушает песню про пропавшую собаку. Вот честно, и смех и грех. Наверное, это какое-то психическое расстройство... Сразу вспоминается Пьер Ришар из «Папаш», который так же пускал слезу по поводу и без, неустойчивый в эмоциональном плане чудак, объект для насмешек. Вот и Зойка такая.

Сейчас она опять редела, потому что с нервами что-то не в порядке, и она сумасшедшая, ненормальная неврастеничка, которая завидует человеку, вместо того чтобы порадоваться за него. Нет, она, разумеется, рада за подругу и ни капли ей не завидует, ведь Роза не виновата, что Зойка такая несчастливая. Да, она ведь та самая девчонка, которой по статистике больше никогда не достанется даже такого дурака, каким был её бывший муж.

Зоя не сразу поняла, что мелодия, доносящаяся с кухни, является звонком мобильного. Вскочив, бросилась на звук и в изумлении включила телефон, отметив, что входящий номер ей неизвестен.

– Зайка, не помешал? – услышала она голос, который тут же узнала. Миллионы ледяных мурашек повскакали со своих мест на руках и ногах, ввергая Зойку в тихий шок.

– Конечно, нет, я только недавно вернулась с теннисного корта и жду своего массажиста, – пролепетала она, чувствуя, каким затрудненным стало дыхание.

«Остановись, образумься и уймись, – мысленно шипела она на себя. – Лавр – друг твоего сына, не твой. И он может спросить что угодно про Кешку, и это может не иметь к тебе никакого отношения!»

– Что ж, здоровый образ жизни – это я уважаю, – улыбнулся Лавр. – Приветик, кстати, – запоздало поздоровался он.

– Ага, – только и смогла выдавить в момент вспотевшая Зойка. А чего он звонит-то?

– У нас тут сейшн один намечается, клевый такой, серьезный и стоящий, – продолжил Лавр. – Я подумал, вам могло бы быть интересно.

– Что за сешен... сэшэн... что за фигня такая? – охрипшим голосом, забыв откашляться, прокаркала растерявшаяся женщина.

– Вы, наверное, никогда не слышали про такого парня – Александра Климова?

– Угадали, не слышала.

– А имя Гэрри Мур вам о чем-нибудь говорит?

– О, да, и Джо Кокер, и Сантана.

– Почему они стоят в одном ряду?

– Потому что они все мне безумно нравятся.

– Как мужчины?

– Кто как, – Зоя не удержалась от улыбки. – Один как гитарист, другой как певец с обаятельной хрипотцой в голосе, третий тоже замечательно играет.

– Понятно, зая, вся с вами стало теперь понятно, – в голосе Лавра послышалось одобрение. – В таком случае, думаю, Климов произведет на вас впечатление. Его манеру испол-

нения сравнивают с Муровской, и я надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии пригласить вас на его выступление?

Помните фильм «Реальная любовь», когда девушка, влюбленная в своего коллегу Карла два с лишним года, наконец-то привела его к себе в квартиру? Она попросила секунду, зашла за угол и исполнила танец крышесносной радости, но шепотом и без топота, а потом снова, как ни в чем ни бывало, вышла к своему обожаемому гостю. Такой танец готова была сейчас исполнить и Зойка. Она пойдет! Это вам не поход какой-то, она обязательно пойдет! Завтра же купит что-нибудь красивое и элегантное (деньги, разумеется, одолжит у Розы), и продумает макияж, чтобы нарисовать хотя бы подобие чего-то «милого» на своем лице.

– Когда концерт? – спросила, пытаясь унять радость, kloкочущую в горле.

– Через два часа.

– Как через два часа? – Зоя бросила растерянный взгляд на дисплей микроволновки: двадцать-пятнадцать. – Не поняла... Что, сегодня?

– Я хотел позвонить вам раньше, но у Кешки весь день был разряжен мобильник, и я только сейчас сумел выяснить ваш номер телефона.

– А спросить у Розы?

– У Макса нет её номера. Представляете, она не оставила ему свой номер.

Ах, ну да, точно, Роза – она такая. Мутит с любым и каждым, но хранит в секрете свой адрес и номер телефона. А Зое заливала про единение без границ и секретов, и бедная женщина поверила, и даже успела испугаться, что уже навсегда потеряла свою единственную подругу.

– В таком случае, я вынуждена отказаться, – упавшим голосом произнесла Зоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.